

МАКСИМ ПРИВЕЗЕНЦЕВ

РАЛЛИ РОДИНА

ОСТРОВ КАТОРГИ

18+

Книги о путешествиях

Максим Привезенцев

Ралли Родина. Остров каторги

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Привезенцев М.

Ралли Родина. Остров каторги / М. Привезенцев — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Книги о путешествиях)

Остров Сахалин стал синонимом каторжного явления в России. Три путешествия, три временных среза, три рассказанные истории. 1890 год — путешествие из Москвы на Сахалин Антона Павловича Чехова. 1967 год — путешествие моего деда Владимира Андреевича Привезенцева на мотоцикле с Сахалина в Ленинград. 2015 год — мое путешествие на мотоцикле от Сахалина до Санкт-Петербурга. Это три истории о том, как страна, «ушибленная пространством», по меткому выражению Николая Бердяева, относится к своим «крепостным» гражданам. Страна, в которой с рождения ее граждане должны и обязаны, жестоко подавляет встречные вопросы о том, что должна им страна?

© Привезенцев М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

*Посвящается Сахалину, где я родился, моему дедушке Владимиру Андреевичу Привезенцеву,
а также Антону Павловичу Чехову.*

ПРОЛОГ

2015

– Я хочу на «Уралах» помчать с Сахалина в Питер. Ты – в деле?

Звонок Макса застал Сашу Нахмановича врасплох. Привезенцев, как обычно, начал с места в карьер – удивил, оглушил новой идеей, с ходу разжег интерес, чтобы потом неторопливо, со вкусом, рассказывать подробности, отлично понимая, что собеседник никуда уже не денется.

– Что... куда... какие «Уралы», Макс? – пробормотал Нахманович. – Это же древность!

– Ты помнишь, я как-то рассказывал про ралли, в котором мой дед участвовал? Ралли «Родина» к пятидесятилетию Октября?

– Ну что-то такое припоминаю, да.

– Так вот я нашел его фильм, тут, на Сахалине, – продолжил Макс. – Прочел его дневники и... в общем, я загорелся идеей это повторить. Хочу воссоздать то ралли, проехать по тем местам. Но мне нужны попутчики, чтоб все было, как в шестьдесят седьмом.

– Дай угадаю: ты уже позвонил Ламе¹, Сашке Никифорову и теперь звонишь мне...

– А вот не угадал: тебе я набрал первому.

– Надо же, какая честь! – хмыкнул Саша. – Польстил старику...

– Заканчивай ерничать, Ребе², – рассмеялся Привезенцев. – Скажи лучше, ты в деле или нет?

– Да... думаю, да, – поколебавшись, ответил Нахманович. – Наверное, должно быть... интересно. Как минимум. Но это предварительное согласие, надо ж еще дату обсудить, маршрут, все дела...

– Обсудим обязательно! – заверил Макс. – А пока надо убедиться, что вообще есть, с кем обсуждать. Ты, в общем, за? Тогда звоню Боре с Сашкой...

– За, за!

– Все, до связи...

– До связи, – эхом отозвался Нахманович.

В мобильнике послышались короткие гудки. Саша положил телефон на тумбочку, повернулся к окну и, шурясь, уставился на солнце, свет от которого разливался по деревьям и кустарникам, голым с зимы. Скоро все должно было зазеленеть; снег сошел, и постепенно наступала долгожданная весна – синоптики утверждали, что после восьмого марта можно будет надолго отправить теплую одежду, в Сашином случае пуховик, в шкаф и забраться в любимую джинсовку.

Саша смотрел на возрождение природы с легкой улыбкой. Пейзаж радовал глаз, но мыслями Ребе был уже далеко отсюда – где-то на Сахалине, верхом на допотопном «Урале», рядом с верными друзьями во главе с Максимом.

---

¹ Так друзья называют байкера Бориса Каца после его путешествия на Тибет.

² Дружеское обращение к Александру Нахмановичу из уважения к его знаменитому предку Рабби Нахману из Брацлава (Ребе Нахман) (1772-1810).

Тот, кто плохо знает Привезенцева, решил бы, что для подобных мыслей еще слишком рано. Но Саша дружил с Максом не первый год и потому давно усвоил: если тот поставил перед собой какую-то цель, то обязательно ее достигнет.

«Поэтому можно уже сейчас собираться, – подумал Нахманович. – Чтоб потом впопыхах не пришлось... Надо Алле сказать... или все-таки дождаться конкретики, и тогда, в красках, да с конкретными датами?..»

Снаружи завыл ветер. Его вой походил на рев старого советского мотоцикла.

* * *

1890

Бывать на каторге Чехову прежде не доводилось. Отправляясь на Сахалин в конце апреля, он, конечно, морально готовил себя к некоторым душевным потрясениям, но все равно испытал порядочный дискомфорт. Каждый унылый пейзаж, каждый встреченный на острове человек, отчаявшийся и сломленный, производил на литератора неизгладимое впечатление. Когда пред ним ломали шапки сморщенные, поникшие люди, вдвое старше него, Антон Павлович невольно испытывал чувство стыда – как будто не по государственному приказу, а по его, чеховской, прихоти все эти бедолаги оказались сосланы сюда и припечатаны сверху тяжелым сводом законов.

«И чем, интересно, они отличаются от крепостных? – размышлял Чехов, глядя на очередного каторжанина, согнувшегося при виде гостя в низком поклоне. – Так же пашут на барина с утра до ночи, так же кланяются... Разве что живут, как говорят, немного получше, но и то далеко не факт...»

Позавчерашним днем Сахалин встречал пароход «Байкал», на котором плыл литератор, три сотни солдат и несколько заключенных, ярким заревом пожаров. Капитан решил к берегу не причаливать, пока пламя не потушат, оттого ночевали снова на воде и в Александровский порт прибыли только наутро. Благо, Антон Павлович уже свыкся с тяготами путешествия и потому воспринял эту весть безо всякого внутреннего содрогания. Солдаты, конечно, поворчали малость – мол, сухопутные они, а не морские, сколько можно на воде-то болтаться? – а заключенных, разумеется, никто и не спросил. Как гремели они кандалами в трюме под бдительным оком сторожащих их вояк, так и продолжили – угрюмые, грязные и, судя по выцветшим глазам, совершенно отчаявшиеся.

– А когда, говорите, меня примет Владимир Осипович? – спросил Чехов у своего спутника, молодого светловолосого офицера Ракитина, который особым распоряжением начальника острова был приставлен к Антону Павловичу провожатым.

Собственно, помянутый Владимир Осипович Кононович тем начальником и был.

– Сказал, что завтра утром, – ответил Ракитин, поправив сползшую на лоб фуражку. – Сегодня занят он больно: вчерашнего дня снова горела казарма, народу погибло полтора десятка. Пока велел вас к себе препроводить, на вопросы ответить, какие зададите, а назавтра, как документы вам соответствующие выдадут, сможете уже начать ваше... обследование.

Чехов видел, что его спутник силится изъясняться грамотно, дабы уважаемый гость из цивилизованного мира ненароком не счел его неучем, но, ограниченный скудным словарным запасом, был вынужден брать частые паузы и постоянно запинаться.

«Отчего многие хотят казаться не такими, как есть? – улыбаясь про себя, подумал Антон Павлович. – Разве обязательно нужно, общаясь с писателем, самому им быть?»

Впрочем, своего провожатого Чехов ни мыслью, ни тем более словом обижать не хотел, а потому сделал вид, что не заметил неловкости, и как ни в чем не бывало задал новый вопрос:

– И часто у вас казармы горят?

– Об этом вам лучше с Владимиром Осиповичем поговорить, – помедлив, ответил Ракин. – Он журналы ведет, отчеты высылает периодически...

Антон Павлович нахмурился было, но быстро понял, отчего его провожатый замялся.

«Велено так – Чехову отвечай, но лишнего не болтай, если что, на меня ссылайся, а я уж сам решу, что можно говорить, а что нет... Типичный подход высших чинов».

Теперь Антону Павловичу стало вдвойне интересно, что за фрукт этот Кононович – то ли местный самодур, при котором обычный солдат имеет статус немногим выше обычного каторжанина, то ли просто старый, умудренный опытом офицер, слишком заботящийся о своем реноме.

– Ну раз он ведет, то с ним тогда и поговорю, – сказал Чехов вслух.

Провожатый, слышав это, облегченно улыбнулся краешком рта и, осмелевший, сам решился спросить:

– А вы к нам с какой целью пожаловали?

– Ну так обследовать же, – ответил Антон Павлович. – Сами ведь только что говорили.

– Ну обследовать-то по-разному можно, – заметил Ракин. – Вы же и врач, и автор... Кто знает, что именно вас интересует? Говорят, вы в основном карточки заполнять будете, болячки переписывать...

– Это кто так говорит?

– Ну... разные... – уклончиво ответил провожатый, почему-то смутившись.

Сзади что-то грохнуло. Чехов оглянулся: сопровождающий их солдат выронил походный саквояж, отчего тот раскрылся, обнажая содержимое – сменную рубашку, блокнот, набор перьев и чернильницу, замотанную для верности в видавшие виды тряпицу.

– Аккуратней, ну! – прикрикнул на спутника Ракин.

Тот торопливо захлопнул крышку и поднял оброненный саквояж, бормоча извинения. Чехов наблюдал за ним с застывшей улыбкой: выглядел бедняга таким же подавленным, как и местные арестанты. Нехорошее чувство зародилось в душе литератора еще в тот момент, когда он ступил на палубу парохода «Байкал». Теперь же, достигнув цели своего путешествия, Антон Павлович только укрепился в мысли, что на Сахалине ему придется тяжело.

«Не так, конечно, как им, – задержав взгляд на солдатах, подумал Чехов. – И тем более не так, как каторжанам... Но все здесь иначе, не так, как на материке, это невооруженным глазом видно, и смотреть на это чертовски больно».

Отвернувшись, Антон Павлович отыскал взглядом обугленный остов сгоревшей казармы. Вокруг толпились заключенные. Были они одеты в робы, но лишены кандалов, в отличие от тех, которых везли сюда в трюме «Байкала». Это показалось Чехову немного странным.

«А с другой стороны, куда им бежать? Кругом – вода. Разве что тайком, на пароходе, но там заметят если, сюда приедешь уже в новом статусе, и без цепи тогда точно не обойдется...»

Среди мрачных заключенных была очень худая женщина с красивым лицом, которое, однако, портили следы сажи и красные от плача глаза. На фоне угрюмых мужчин, большей частью крепких, здоровых, особа эта казалась овечкой, случайно забредшей в стаю волков.

– Там женщина. – Чехов указал в сторону заключенных и тут же опустил руку, не желая привлекать к себе внимание арестантов. – Кто она?

– Жена одного из погибших при пожаре, – ответил Ракин. – Как бишь ее... – Он наморщил лоб. – Нет, не помню.

– А где она жила? Почему тоже в саже?

– Так с ним и жила – казарма-то для семейных. Дочка их пропала, ищут с самого утра. Под обломками вроде детей нет, но разгребли еще не все...

Ракин говорил о случившейся трагедии так буднично, что Чехова пробрал озноб – как будто подобные ужасы на Сахалине случались едва ли не каждый день.

«Сколько ж смертей надо увидеть, чтобы относиться к ним настолько бесстрастно, как к должному?...»

– А как они живут-то... ну, семьями? У них там кубрики... или что?

– Да какие кубрики, Антон Павлович? – покосившись в его сторону, ответил Ракитин. – Одна большая казарма с широкими нарами, на ней и спят по двое, по трое... Как придется.

Представив, что на соседних койках спят маленькие девочки и закоренелые бандиты, Чехов поежился. Ему такое казалось неправильным.

– А я прежде думал, что семейным дают отдельные избы, – признался он.

– Некоторым – дают, это так. Но людей много, а изб – нет...

– Так а по какому принципу решают, кому дать, а кому нет?

Ракитин открыл было рот, чтобы ответить, но вовремя спохватился и повторил, как по бумажке:

– Об этом вам тоже лучше с Владимиром Осиповичем поговорить.

– Но это только завтра?

– Именно так, Антон Павлович.

Дальше долго шли молча, пока не добрались до небольшой избы, находившейся на почти-тельном отдалении от казарм. Все подворье обильно поросло лопухом – таким большим, какого Чехов никогда в жизни не видел. Строго говоря, он не подозревал даже, что подобный где-то встречается. Впрочем, стоило оглянуться назад и снова наткнуться взором на черные останки казармы, и литератор мигом позабыл про диковинные растения.

«Запущено все так...»

Ракитин подступил к двери и робко в нее постучал. Некоторое время ничего не происходило, а потом наружу выглянула женщина в мятом платье с передником. Было ей пятьдесят или около того, но выглядела она бойко.

«Это, стало быть, и есть домоправительница Кононовича», – догадался Чехов.

– Антон Павлович прибыл, – коротко сообщил Ракитин.

Женщина, спохватившись, всплеснула руками:

– Ох, Антон Павлович!.. Здравствуйте! Как добрались? И занесла же вас нелегкая! Ну, проходите, проходите...

– Сейчас... – отозвался Чехов.

Он пропустил солдата с саквояжем вперед, к двери, а сам задержался на улице. Вид сгоревшей казармы не давал ему покоя. Ракитин же, проводив солдата и домоправительницу пристальным взглядом, подступил к литератору и негромко спросил:

– Так все-таки, что вас привело на Сахалин, Антон Павлович?

– Хочу узнать, чем и как тут люди живут, – просто ответил Чехов.

Ракитин покачал головой и, наклонившись к уху литератора, тихо сказал:

– Не живут тут люди, Антон Павлович, а выживают. Как могут. Только я вам этого не говорил. Добро?

– Как скажете, – пробормотал Чехов.

Он немного растерялся от такой откровенности своего провожатого, но тут же приказал себе собраться и ни словом, ни жестом не выдавать легкого своего потрясения от увиденного и услышанного.

«Ежели всему сказанному про здешние места верить, можно было и не ехать никуда: мне и Суворин из «Нового времени» про остров рассказывал столько, и другие тоже. Но раз я тут, надо со всеми поговорить, выспросить, кто что думает, и только тогда какие-то выводы делать... но первое мнение уже, похоже, есть. Начало моему «обследованию», стало быть, положено».

Тут Антон Павлович услышал стук копыт и ржание лошадей. Обернувшись на звук, литератор увидел, как по улице едет крытая повозка, запряженная двумя гнедыми. На козлах вос-

седал рыжий паренек лет двенадцати-тринадцати в опрятной рубаше, не заправленной, однако, в серые мешковатые брюки. Мальчишка что есть силы стегал кляч, а те жалобно ржали, но покорно мчались во весь опор.

– А вот и Карл Христофорович летит-с, – сообщила домоправительница, снова появляясь на крыльце.

Чехову почудилась в ее голосе легкая, едва уловимая неприязнь – как будто женщина не слишком-то любила человека, едущего в крытой повозке.

– А Карл Христофорович это, часом, не...

– Ландсберг, – довольно резко сказал Ракитин.

Он пристально посмотрел на Чехова:

– Слышали же о таком?

– Это тот офицер, который сослан за двойное убийство? – припомнив рассказ Суворина, уточнил литератор.

Ракитин кивнул.

– Он самый.

Чехов снова перевел взгляд на повозку, которая к этому моменту уже остановилась неподалеку от сгоревшей казармы. Рыжий мальчишка, что сидел на козлах, как раз помогал пассажиру спуститься на землю.

– Чего это он хромает? – прищурившись, спросил Чехов.

– Ногу подвернул, на охоте, – сказал Ракитин.

– Убийце дают ружье? – удивился литератор.

– Этому – дают, – неотрывно глядя на Ландсберга, кивнул офицер.

Карл Христофорович оказался статным, красивым мужчиной около тридцати пяти лет, с кручеными черными усами и черной же шевелюрой, формой похожую на крону вяза в летнюю пору. Выглядел Ландсберг усталым, но почему-то не возникало ощущение, что это его обычное состояние. Напротив, по движениям рук, головы, всего, что не касалось несчастной ноги, подвернутой на охоте, угадывался человек энергичный, которому просто следовало немного отдохнуть.

Проковыляв к толпе заключенных, Ландсберг остановился в некотором отдалении от каторжан, уперев правую руку в бок, а левой помахав кому-то из погорельцев. Толпа зашевелилась и вскоре извергла из себя помятого мужчину с повязкой на левом глазу. Выйдя на встречу к Ландсбергу, каторжанин едва заметно поклонился вновь прибывшему и что-то спросил – что именно, Чехову не позволило расслышать солидное расстояние. Карл Христофорович ответил собеседнику, и тот обернулся к толпе, вытянул шею и окинул люд взглядом.

– Тамара! – послышался Чехову его гортанный крик.

Литератор было решил, что ему показалось, но тут из толпы вышла женщина – та самая, после пожара овдовевшая и потерявшая дочь. Ландсберг веско кивнул ей, потом покосился на рыжего мальчишку и мотнул головой в сторону повозки. Возница побежал к ней. Клячи, запряженные, стояли смирно; шоры закрывали их глаза, и оттого гневные никуда не рвались.

Мальчишка, подбежав к повозке, заглянул внутрь и протянул руку. Антон Павлович с интересом наблюдал, как из-под навеса медленно и осторожно, будто испуганный зверек, показалась темноволосая девочка лет десяти. Ручки и личико ее были совсем белы, в отличие от платья, которое напоминало лохмотья, как у большинства погорельцев. Мальчишка помог девочке спрыгнуть на землю и повел ее к толпе заключенных и Карлу Христофоровичу.

– Люба! – вскричала женщина, которую называли Тамарой, и бросилась к малютке.

Девочка тоже побежала к ней, и вот они встретились, обнялись и прижались друг к другу так крепко, словно две половины единого целого, разделенного по чьему-то нелепому и жестокому капризу.

– Нашлась, стало быть, дочка пропавшая, – пробормотал Ракитин.

Карл Христович обменялся еще несколькими фразами с одноглазым каторжанином и, опираясь на плечо рыжего помощника, устремился к повозке.

– А как она у Ландсберга оказалась? – спросил Чехов.

– Может, отец девочки у него в лавочке работал, – пожал плечами Ракитин. – Это вам лучше...

– У Владимира Осиповича узнать, – закончил за него Антон Павлович. – Я помню, помню... но, позвольте, как один заключенный может на другого работать? Он им платит чем-то?

– Цена работы каторжанина – его время на острове, – веско произнес Ракитин. – Пока он в ссылке, должен работы выполнять, какие скажут, таково его наказание за преступления, совершенные на материке.

– Но почему они на Ландсберга-то работают? – продолжал недоумевать литератор.

– Потому что последние два года именно он строительством казарм и других зданий тут занимается, – нехотя сказал офицер. – Инженер от Бога, как говорит Владимир Осипович...

Карл Христович тем временем уже погрузился в повозку, а мальчишка забрался на козлы и хотел щелкнуть кнутом да натянуть вожжи, когда увидел Тамару, спешащую к ним. Застыв в одной позе, возница уставился на женщину. Та, достигнув повозки, уцепилась руками за край борта и стала что-то говорить – губы ее двигались очень быстро. Наконец умолкнув, Тамара медленно отступила назад и встала, смущенно потирая левой рукой локоть правой. Рыжий мальчишка, убедившись, что женщина отошла на приличное расстояние, все-таки натянул поводья и дал коням кнута. Гнедые заржали и, по дуге развернувшись, понесли повозку за собой, прочь от обугленного каркаса погибшей казармы. Когда «экипаж» Ландсберга проезжал мимо Чехова и Ракитина, рыжий мальчишка смерил путешественника любопытным взглядом, а потом, озорно гаркнув «Но!», снова весело защелкал кнутом.

«А любопытный человек этот Карл Христович, судя по всему, – провожая повозку заинтересованным взглядом, подумал литератор. – Если найдется время, надо будет непременно нанести ему визит и поговорить о том, что здесь творится. Раз он все на острове строит, значит, и видит больше других, и рассказать может немало...»

– Пойдемте в дом, чай стынет, – напомнила о себе домоправительница.

Она все так же стояла на крыльце, только теперь рядом с ней скучал бедняга-солдат, который тащил чеховский саквояж.

– Да-да, – спохватившись, произнес литератор. – Пойдемте.

– Вы пока отдыхайте, – сказал ему Ракитин. – А я за вами завтра утром приду, как Владимир Осипович велит звать. Телеграмму вашу сегодня отправлю, как обещал.

– Добро, – кивнул Чехов. – И благодарю.

Ракитин тоже кивнул и, коротким жестом подозвав к себе солдата, вместе с ним устремился прочь от дома начальника острова. Антон Павлович, поднявшись на крыльцо, задержался в дверях – решил еще раз оглянуться на каторжан. Найдя взглядом воссоединившихся мать и дочку, литератор удовлетворенно хмыкнул и все же шагнул за порог.

* * *

1967

В коридорах южно-сахалинского Дома культуры было душно: июньское солнце ярко освещало светло-зеленые стены, старый паркетный пол и человека, стоящего у входа в актовый зал. Одетый в клетчатую рубашку и серые брюки, этот темноволосый мужчина угрюмо взирает на дверь. Заходить внутрь не хотелось. Еще когда ему позвонили и назвали день и час, стало не по себе.

«Что-то опять затеяли», – подумал мужчина тогда.

Отказать, разумеется, никакой возможности не было – когда звонят из горисполкома, отрицательный ответ просто не рассматривается.

«Партия сказала: «Надо». Значит, никуда не денешься».

Однажды ему уже сказали «надо» – сразу после войны, с которой мужчина вернулся инвалидом. Тогда приказ был лаконичен: «езжай на Сахалин». Выдали путевку, и мужчина устремился. Поначалу был не рад, но затем встретил чудесную девушку Софью, которая тоже попала сюда по распределению партии, и показалось, это – судьба. Когда же родилась Ира, стало ясно, что остров действительно стал их домом – полноценным, настоящим.

«Эх, если б еще не дергали постоянно...»

Мужчина и сам прекрасно понимал, что человеку его профессии никто не позволит проводить дни в праздном размышлении о тленности бытия и прочих вещах, бессмысленных с точки зрения Союза. Но разве это понимание добавляло энтузиазма? Разве охотней скользил стержень ручки по клетчатым страницам тетрадей, в которые мужчина записывал свои мысли и идеи для будущих репортажей, передач и фильмов?

«Если бы...»

Из актового зала слышались голоса – говорили быстро, перебивая друг друга, смеясь: официальная часть явно еще не началась.

«Да и рано для нее, пожалуй...» – подумал мужчина, глядя на циферблат часов.

Было только без четверти девять – еще целых пятнадцать минут до начала. Вряд ли столичный чиновник Тимофеев, секретарь Центрального Совета союза спортивных обществ и организаций, позволит себе опоздать – непозволительная роскошь для подобной «важной птицы».

«И чего он забыл в нашей глухомани? Видно, дело и вправду серьезное...»

Заслышав вдалеке шаги, мужчина стер со лба проступивший пот и толкнул дверь актового зала. Голоса, прежде глухие, стали четче... но практически одновременно со скрипом петель смолкли. Мужчина шагнул за порог, поднял голову и увидел компанию мужчин, с интересом смотрящих на него.

«Знакомые все лица...»

– Владимир Андреевич, – кивнул вновь прибывшему Альберт Косарев, заведующий отделом газеты «Молодая гвардия» и, по совместительству, давний друг вновь прибывшего. – Ты чего такой замученный?

– Жарко, – ответил Владимир. – Вы вон и сами, смотрю, все в испарине.

Альберт улыбнулся, поправил очки и машинально провел рукой по растрепанным темным волосам.

– Что есть, то есть, Владимир Андреевич...

– Стало быть, товарищ Привезенцев тоже с нами? – прищурившись, спросил инструктор автомотоклуба Вадим Хлоповских.

– Значит, и вправду что-то глобальное затевается... – вставил Борис Ульянов. – Только вот непонятно, зачем им шофер рыбвода в лице меня понадобился?

– А что, шофер рыбвода в общественной жизни партии участвовать не должен? – хмыкнул Василий Светличный, водитель из таксопарка.

– Должен-то должен, – не стал спорить Ульянов. – Но не в ущерб же основной профессии! Кто в мое отсутствие рыбу возить будет?

– А то в городе больше никого нет, кто может это делать!... – фыркнул Хлоповских, косясь в сторону Светличного, и тот, тоже улыбнувшись, сказал:

– Ну да, на весь Сахалин один Ульянов, известный рыбовоз.

– Ну, понеслась... – проворчал Борис. – Шоферов у нас в рыбводе, как собак нерезаных, оказывается...

– Да будет тебе, скромняга! – морщась, махнул рукой Хлоповских. – Самый незаменимый прямо!

Владимир с легкой улыбкой наблюдал за шутливой перепалкой. По роду деятельности Привезенцеву уже доводилось так или иначе сталкиваться со всеми, кто сейчас находился в актовом зале. Это были честные, работающие люди, каждый – настоящий дока в своем деле.

«Вот только «дела» у всех совершенно разные».

Механик лесхоза Николай Пеньковский сидел чуть поодаль от других и в общей беседе не участвовал – лишь с отсутствующим видом смотрел в окно.

– Эй, на галерке! – позвал его Хлоповских. – Чего притих?

– Да ничего, – буркнул механик. – Не выспался просто.

Сложно было представить себе двух более разных людей, чем Хлоповских и Светличный. Улыбка и манера общаться инструктора выдавали в нем открытого и веселого парня, с которым здорово петь песни под гармонь или, скажем, идти в поход – по дороге точно не заскучаешь. А вот Пеньковский, хоть и не лишенный чувства юмора, был куда более замкнутым человеком – и, если даже подпевал «гармони» товарища, то только про себя, не вслух.

«Видно, работа накладывает свой отпечаток, – подумал Владимир. – Большую часть времени один проводишь, в лесу, ковыряешься себе в тамошней технике, слышишь только, как моторы жужжат да листва шуршит... Не каждый на таком месте сидеть захочет, только с особенным, подходящим характером...»

Тут дверь актового зала открылась, и внутрь вошел грузный, тяжелый мужчина с большими губами и маленькими глазками, пристально глядящими на мир из-под густых насупленных бровей. Это, конечно же, был тот самый Тимофеев, секретарь Центрального Совета союза спортивных обществ и организаций, ради которого сахалинцев собрали в ДК. Следом за секретарем тенью следовал худющий заместитель председателя горисполкома Лазарев с красной папкой, зажатой подмышкой, а замыкал шествие еще один гражданин – высокий, темноволосый и с большими зелеными глазами, он был Привезенцеву совершенно не знаком.

«Может, из области кого-то вызвали?..»

Увидев, что собранные в актовом зале сахалинцы сидят, кто как, в развязных позах, Лазарев украдкой показал им несколько характерных жестов, которые могли значить: «Рассаживайтесь поживей, сейчас начнется!..»

Тимофеев обогнул сцену, но подниматься на нее не стал – остановился в нескольких метрах от первого ряда кресел и, дождавшись, пока все займут свои места, громогласно поздоровался:

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравствуйте, – нестройным хором ответили мужчины.

– Как настроение? – спросил Тимофеев с улыбкой.

– Отличное, товарищ секретарь! – за всех ответил Хлоповских.

– Рад слышать, – еще шире улыбнулся Тимофеев. – Товарищ Лазарев, давайте проверим, все ли пришли?

Зампредседателя горисполкома охотно закивал и, раскрыв папку, стал поочередно называть фамилии. Тимофеев тем временем прохаживался вдоль первого ряда кресел, сложив пухлые руки за спиной.

– Все на месте, Аркадий Петрович! – сообщил Лазарев, закончив переключку.

– Спасибо, Михаил Валерьевич, – кивнул Тимофеев.

Кашлянув в кулак, он снова обратился к собравшимся в зале мужчинам:

– Товарищи! Наверняка всех вас мучает вопрос: зачем вас всех здесь собрали, и с какой целью из столицы, города-героя Москвы, в Южно-Сахалинск пожаловал секретарь Центрального Совета по спорту? Само собой разумеется, что два эти события непосредственно связаны одно с другим...

Он шумно втянул воздух ноздрями и торжественно объявил:

– Позвольте вас поздравить, товарищи: коллегиальным решением первых лиц Центрального Совета и заместителя председателя Южно-сахалинского горисполкома вы были выбраны для участия во всесоюзном автомоторалли «Родина», посвященном пятидесятилетию Советской власти!

Привезенцев и Косарев недоуменно переглянулись. Лазарев, снова сунув папку под мышку, захлопал в ладоши, незнакомец, стоящий рядом с ним, последовал его примеру.

Все эти детали Привезенцев отмечал мимоходом, поскольку никак не мог переварить заявление второго секретаря.

«Автомоторалли? Всесоюзное? О чем он вообще?»

– По плану, разработанному Центральным Советом, – продолжил Тимофеев, – вы должны будете пройти пятнадцать тысяч километров, стартовав с площади Ленина вашего чудесного города и финишировав в самом Ленинграде...

Ульянов, сидящий справа от Привезенцева, тихо присвистнул.

«Ленинград? Пятнадцать тысяч километров? – подумал кинооператор. – Добрая половина из которых – по дальневосточному бездорожью? Это такая шутка?»

– А на чем поедет хоть, товарищ секретарь? – поинтересовался Светличный.

Василий единственный не выглядел удивленным – он и, пожалуй, еще Хлоповских: для них все эти автомотопробеги были родной стихией.

Собственно, Привезенцев тоже любил мототуризм. Но пятнадцать тысяч километров казались ему уж больно страшной цифрой.

– По случаю столь значительной даты обком ДОСААФ и обком ВЛКСМ предоставят участникам лучшие экземпляры продукции советской промышленности – один автомобиль марки «ГАЗ-21», два мотоцикла «М-63» и два «М-72», – отчеканил Тимофеев.

«Волга» и «Уралы», стало быть...»

Лазарев и стоящий рядом с ним незнакомец снова захлопали, но Светличный, Хлоповских и Ульянов, судя по всему, их восторга не разделяли. Впрочем, выражать свое недовольство Тимофееву никто из них не решился, а потому секретарь со спокойной душой продолжил:

– Руководителем пробега будет всем вам хорошо известный Владимир Андреевич Привезенцев, журналист, кинооператор и режиссер...

«Чего и следовало ожидать».

Взгляды Тимофеева и Привезенцева встретились. Кроме того, Владимир почувствовал на себе взоры других собравшихся, включая Лазарева и его безымянного спутника.

«Но, наверное, это даже и к лучшему, – подумал Привезенцев, делая вид, что ничуть не растерян. – По крайней мере, смогу спокойно заниматься съемкой... Она же им, уверен, в первую очередь нужна...»

Словно прочтя его мысли, Тимофеев сказал:

– Мы очень надеемся, что товарищ Привезенцев сможет не только достойно возглавлять пробег, но и снимет его на киноплёнку, поскольку Центральным Советом по спорту было принято решение сделать фильм, посвященный грядущему ралли...

«Кто бы сомневался!..»

– Товарищ Косарев на время мотопробега назначается замполитом и первым заместителем руководителя. Товарищ Пеньковский – механиком, товарищ Ульянов – слесарем, товарищ Светличный – медиком, а товарищ Хлоповских будет отвечать за ведение путевого дневника...

– Позвольте вопрос? – нахмурившись, подал голос инструктор автомотоклуба.

Тимофеев скривился, но не стал выговаривать Хлоповских за то, что перебил, и мило-стиво разрешил:

– Задавайте!

– А почему за ведение дневника отвечает инструктор автотоклуба, а не заводилом «Молодой гвардии»?

– Потому что это коллегиальное решение, принятое в Центральном Совете по спорту, – просто ответил Тимофеев.

Хлоповских выгнул бровь и открыл было рот, чтобы задать новый вопрос, но Светличный толкнул товарища в бок локтем и скорчил злобную мину – мол, не спорь, правды ты все равно не добьешься: раз есть решение, никто его менять не будет.

«Легче потом с Косаревым договориться обменяться обязанностями. Неофициально. Надо думать, Альберт охотно поможет – ему со словом возиться нравится...».

– Можем продолжать, товарищ Хлоповских? – с нажимом произнес Тимофеев.

– Да, конечно... – нехотя буркнул инструктор. – Извините...

– Замечательно, – победно улыбнулся Тимофеев. – Так вот, на чем я там остановился? Ах да... Завхозом вашей группы туристов будет товарищ Рожков.

Мужчина, стоявший рядом с Лазаревым, сделал шаг вперед и, робко улыбнувшись, представился:

– Геннадий Степанович Рожков, старший инструктор облспортсоюза. Очень рад знакомству.

Сказав это, он снова попятился и замер на прежнем месте, рядом с Лазаревым, который буквально сиял.

«Такое ощущение, что он от Тимофеева заряд какой-то получает – горит, словно сто-ваттная лампочка», – усмехнулся про себя Привезенцев.

Иногда ему казалось, что в этом заключается смысл жизни любого мелкого чиновника – давить на нижестоящих, чтобы угодить вышестоящим и тем самым максимально отдалиться от первых и приблизиться ко вторым. Сам Привезенцев до ужимок в духе Лазарева никогда не опускался – брал талантом и организованностью. За это его и ценили.

«И ставили руководителем подобных мероприятий – чтоб более-менее грамотно расхлебывал ту кашу, которую они время от времени заваривают».

– Каждому из вас будет выдана копия постановления, в которой изложены ваши задачи, подлежащие выполнению в ходе ралли «Родина», – сказал Тимофеев, снова отвлекая внимание публики на себя. – Основная – это, разумеется, пропаганда советской власти среди молодежи, с которой вы будете встречаться по ходу вашего путешествия. Важно, чтобы подрастающее поколение понимало, насколько значительна эта дата – пятьдесят лет Октябрю. Помимо того, что ваш пробег зафиксирует на киноленту товарищ Привезенцев, вы примете участие в ряде телепередач в тех городах, через которые будет пролегать ваш маршрут...

Он говорил что-то еще, но Привезенцев не особо вслушивался в его слова.

«И как сказать обо всем жене? Как объяснить, куда я еду и на сколько? Месяц меня не будет? Два? Сколько времени надо, чтоб проехать пятнадцать тысяч километров? Одна переправа с Сахалина на материк чего стоит... и там до Байкала как-то добираться... Словом, одни вопросы».

Привезенцев не боялся ответственности, но терпеть не мог пресловутое «надо» ради «надо». К счастью, спутники в этот раз ему достались хорошие, иначе было бы совсем грустно.

«Ладно, разберемся как-нибудь... не впервой... Коллектив вроде неплохой. Разве что по Рожкову есть вопросы, но их будем решать уже по ходу дела»

– Что ж, можете быть свободны, – сказал Тимофеев, хлопнув в ладоши. – Датой старта выбрано десятое июня, датой финиша – двадцать пятое июля... Готовьтесь, товарищи, разбирайтесь с текущими делами, чтобы подойти к старту, так сказать, во всеоружии. Вопросы есть?

Вопросов не было. Точней, были, но после ответа, который второй секретарь дал Хлоповских, задавать их остерегались.

– В таком случае все могут быть свободны, кроме товарища Привезенцева, – с улыбкой произнес Тимофеев.

Мужчины стали подниматься из кресел. Альберт на прощанье коснулся плеча кинооператора, и тот вымученно улыбнулся другу самым углом рта – мол, ценю твою поддержку, спасибо.

Когда из новоиспеченных участников ралли в зале остались только Рожков и Привезенцев, Тимофеев сказал:

– Знаю вас, Владимир Андреевич, как человека честного и порядочного, настоящего коммуниста. В партии состоите, трудитесь на ее благо...

Лазарев за его спиной кивал, точно китайский болванчик.

– Но все равно считаю не лишним обратить ваше внимание на следующее...

Он взял паузу – видимо, собирался с мыслью – а потом продолжил, слегка понизив голос, словно боялся, что ушедшие подслушивают у двери:

– Важно понимать, что ралли, посвященное пятидесятилетию Октября – это ни в коем разе не увеселительная прогулка. Это – полноценное мероприятие, необходимое для поддержания в обществе патриотических настроений. Проще говоря, нам совершенно не нужен негатив.

– Негатив не нужен, – из-за спины секретаря подтвердил Лазарев.

– Сформулирую персональную задачу для вас и для господина Рожкова, – сделав вид, что ничего не заметил, произнес Тимофеев. – Необходимо, чтобы ваше путешествие обошлось без происшествий.

– В каком смысле – без происшествий? – спросил Привезенцев. – Мотоциклы так или иначе будут ломаться, вы же сами понимаете – такое расстройство...

– Пусть ломаются. Но важно, что поломка мотоцикла или, допустим, мелкая бытовая ссора в коллективе не должна испортить настроение тем, кто посмотрит ваш фильм... или прочтет дневник вашей команды, – пояснил Тимофеев.

Говоря это, он пристально смотрел Привезенцеву в глаза.

– Надеюсь, я ясно выражаюсь? – с приторной улыбкой уточнил второй секретарь.

– Куда уж ясней, – помедлив, ответил режиссер.

Тимофеев улыбнулся еще шире, потом шагнул вперед и протянул собеседнику руку.

– В таком случае желаю вам удачи, Владимир Андреевич. Дополнительные инструкции получите от товарища Лазарева непосредственно перед стартом.

Привезенцев поднялся и пожал руку второго секретаря. Она была пухлая и неприятная на ощупь – что, впрочем, вполне соответствовало образу этого человека.

– Товарищи, – сказал на прощание Тимофеев, повернувшись к Рожкову и Лазареву.

Пожав им руки, второй секретарь устремился к выходу.

– Можете идти, Владимир Андреевич, – выждав паузу, негромко, но со всей надлежащей важностью сказал Лазарев. – Завтра вам позвонят и сообщат, когда я вас буду ждать. Пойдемте, Геннадий Степанович.

Распрощавшись с Привезенцевым, чиновники следом за Тимофеевым покинули актовый зал.

«Ну и денек... – подумал Владимир Андреевич, провожая их взглядом. – И ралли это...»

Звук шагов, доносившийся из коридора, вскоре смолк, и Дом культуры снова погрузился в тишину – столь привычную для летнего полдня.

* * *

2015

– Москва – Воронеж, дальше знаешь! – воскликнул Денис Амурский, проезжая мимо меня.

Я невольно расплылся в улыбке, наблюдая, как «рыжий» мотоцикл уносит нашего режиссера вперед. Подо мной был зеленый «М-72», надо мной – чистое синее небо, а вокруг – друзья, такие же свободные, как я сам... А что еще нужно мужчине для счастья?

«Разве что хорошая сигара и на два пальца виски... но то будет, когда до Воронежа доедем, там нас все это уже ждет...»

По моему плану перед отправкой на остров Сахалин нашей команде из шести человек предстояло совершить пробную вылазку в Воронеж – нечто вроде репетиции будущего путешествия, куда более длинного и трудного. Мы – по вполне понятным причинам – очень сомневались в качестве нынешних мотоциклов «Урал» и потому хотели предусмотреть любые возможные поломки. С этой же целью уже были опрошены десятки людей в Интернете, а также верхушка Ирбитского завода, до сих пор производящего легендарную ретро-модель «М-72» – на таких же в шестьдесят седьмом мой дед и его товарищи преодолели путь от Южно-Сахалинска до Ленинграда. Как и следовало ожидать, результаты опроса оказались неоднозначными. Люди на тематических форумах если не плевались, то не хвалили точно, а директор завода, напротив, утверждал, что мотоцикл на самом деле хороший, по крайней мере, последняя партия – точно... Осмыслив все полученные мнения, я решил готовиться к худшему, но верить в лучшее.

С таким настроением и поехали.

И, надо признать, пока что «М-72» вели себя вполне достойно – если не считать нескольких проколов, которые я списал на качество дорог. Они, как известно, в нашей стране – едва ли не главная проблема.

«Кроме дураков, которые их делают».

Машин на трассе нам встречалось немного, и потому я успевал даже пейзажами любоваться. Не сказать чтобы они как-то особенно вдохновляли, но приближение лета уже чувствовалось, несмотря на то, что была только середина апреля: зеленый травяной ковер украшал покатые склоны холмов, темно-коричневые стволы деревьев, воздев к небу ветвистые руки, приветливо шуршали первой листвой. Однажды мне даже почудилось, что среди дубов, кленов и лип мелькают силуэты туристов.

«Не одни мы, значит, в эту глухомань забрались ради приключений...» – с неким воодушевлением подумал я, наблюдая за игрой теней в чаще.

Мы остановились выкурить по сигаре практически сразу после того, как проехали мимо синей таблички с названием города. Я понимал, что наша команда сильно опаздывает к назначенному времени, но короткая передышка была нам жизненно нужна – хотя бы из-за нервозности, связанной с заменой шин.

«Тем более что десять-пятнадцать минут ничего не изменят».

– Ехать на них, конечно, так себе, – сквозь сизые клубы дыма заметил Иван Камов. – Вся пятая точка в шишках...

Лысый крепкий байкер двадцати пяти лет с густой черной бородой, он был в нашей команде единственным новичком. Я давно дружил с двумя Сашами – Нахмановичем и Никифоровым – и Борей Кацем; режиссера Дениса Амурского знал чуть хуже, но и с ним не раз ездил, а потому вполне доверял. Ваня же появился недавно и, можно сказать, из ниоткуда: обо мне он узнал от общего знакомого тату-мастера, который во время очередного сеанса проговорился, что некий байкер по фамилии Привезенцев собирается в мотопробег по России. А поскольку Иван не первый день мотоциклами интересовался, он, конечно же, слышал, что этот же самый Привезенцев несколько лет назад совершил кругосветку на «Харлее». Идея поучаствовать в подобном путешествии в итоге привела Камова ко мне, и после нескольких встреч – со мной и другими членами команды – я решил, что Ваня вполне нам подходит.

«Хотя утром сегодня он, конечно, начудил...» – подумал я, хмуро глядя на бородача исподлобья.

Мы условились встретиться на одной из заправок ровно в восемь, залить полные баки и отправиться к нашей цели – Воронежу. Все прибыли вовремя... и только Иван опоздал на целый час. Сказать, что я был вне себя от гнева, значило ничего не сказать. Мало что я вообще не терплю людей не пунктуальных, так мне еще пришлось краснеть перед другими товарищами, поскольку именно я предложил включить Камова в команду.

Приехав, Ваня, конечно, начал пенять на московские пробки и незнакомый район, но я этим отговоркам не поверил – скорей, наш новый товарищ просто проспал и теперь банально отмазывался.

«Ошибка номер раз, – подумал я тогда. – Еще две, и можно ставить диагноз».

Справедливости ради стоит заметить, что новых ошибок Камов пока не допускал – ехал в колонне спокойно, не лихачил и вообще вел себя вполне адекватно – и я, видя это, начал понемногу успокаиваться.

«Посмотрим, как себя дальше покажет. Но, может, это правда была досадная случайность?..»

– Ну да, не «Харлей Дэвидсон», – ухмыльнулся Ребе. – Мягко говоря...

Его тезка, Саша Никифоров, тоже расплылся в улыбке.

– Поддерживаем отечественного производителя, ага... Особенно того, который шины делает. Этих вообще поддержали – во! – Он поднял вверх большой палец. – Сколько шин уже поставили и сколько еще поставим...

– Ну да, давайте повторим ралли «Родина», только не на «Уралах», а на «Харлеях», – саркастически произнес я. – И не с Сахалина до Питера поедem, а из Бутово в Балашиху. Чтоб сильно не утруждаться.

– И не мужским коллективом, а с бабами, – вставил Денис.

– Тогда все закончится очень быстро, – прищурившись, с хитрой улыбкой сказал Нахманович и, нарочно коверкая голос, добавил:

– Ой, ребята, разворачиваемся, я ноготь сломала...

Мы с Иваном и Сашей Никифоровым захохотали, Денис тоже обнажил белые ровные зубы. Боря Кац с мобильником у уха стоял чуть в стороне, но, заслышав смех, обернулся и тоже неуверенно улыбнулся, наблюдая за нашим весельем.

Настроение у всех было приподнятое: пятьсот километров прошли без особых помех (исключая надоевшие проколы), да и команда вроде бы подобрался вполне себе.

– Главное – все учесть, – отсмеявшись, сказал я. – Запчасти взять – те, что чаще всего ломаются. Инструмент нужен, чтобы починиться смогли в дороге. Плюс надо с гостиницами заранее разобраться – выписать адреса и номера...

– Места там, наверное, дикие, – веско заметил Денис. – Так что надо быть готовым, что мобильный Интернет отвалится. Поэтому телефоны мастерских и эвакуаторщиков должны быть в трубках, а не в «гугле».

– Верно подмечено, – кивнул я. – Карты нужны обычные тоже, распечатанные, в нормальном масштабе, чтобы глаза не ломать. Маршрут на них отметим еще до вылета, и у каждого должно быть по экземпляру.

– Я буду запасные аккумуляторы брать для камер и ноута, – снова заговорил режиссер. – Для телефонов тоже возьмем, да и для машины не повредит резервный.

– Блин, до сих пор не верится, что мы аж оттуда поедem, с самого Сахалина, – признался Ваня. – Я вообще родом с Перми, но настолько далеко никогда не забирался, если честно.

Оператор с камерой, который снимал пейзажи вечернего Воронежа неподалеку от места нашей временной стоянки, теперь повернулся к нам. Я буквально спиной почувствовал его

взгляд, устремленный на меня через окошко камеры. Денис, похоже, тоже заметил, что нас снимают – расправив плечи, он с видом опытного «рыцаря дорог» сказал:

– Ничего, Вань, справимся. Главное – взаимовыручка. Командой же едем.

– Единственное, что интересно – успеем на фестиваль в Суздали или нет? – пробормотал Саша Никифоров.

– Должны, – уверенно заявил я. – Если все предусмотрим – обязательно успеем.

– Блин, я, наверное, устану напоминать, Макс, – хмыкнул Нахманович. – Мы едем не на «Харлеях». На «Уралах». Отечественные моты. Так сломается – фиг починишь. И никак ты это не предусмотритишь.

– Да ну тебя, Ребе, с такими пророчествами! – воскликнул Никифоров, шутливо отмахиваясь от друга. – Тоже мне, Нострадамус! Давай, если встрянем где-нибудь из-за поломки, сам будешь чинить?

– Сам? Э, нет! Сказали ж – нас спасет только взаимовыручка! – Ребе мотнул головой в сторону Дениса.

– А ты разве не согласен? – прищурился режиссер.

– Заканчивайте вы уже, – махнул рукой Никифоров.

– Да мы и не начинали, – хмыкнул Ребе. – А вообще, Макс, ты не думай: к твоему плану у меня претензий нет, но вот сроки ты выбрал действительно крутые. Это по сколько нам в день надо покрывать, чтобы в срок уложиться?

– Пятсот кэмэ, – отозвался я.

– А всего надо пройти двенадцать тысяч? – припомнил Ваня.

– Двенадцать с половиной. Примерно.

– Короче, двадцать четыре раза съездить в Воронеж, – с улыбкой сказал Ребе.

– И один раз обратно, – вставил Денис.

Я хмыкнул и, откинувшись назад, снова запыхтел сигарой. Сизый дым поднимался в темное небо. Луна, застывшая в вышине, заставила меня вспомнить о времени.

«Надо в бар, к Вите, он уже, наверное, заждался. Вечер плавно перетек в ночь, а впереди еще столько виски и сигар... Что ж, будем считать это фуршетом в честь грядущего старта возрожденного «Ралли Родина».

– Чего вы тут ржете? – спросил Борис.

Договорив по телефону, он спрятал его в карман джинсов и подошел к нам.

– Тебе с самого начала рассказать, Лама? – ухмыльнулся Саша Нахманович.

Я невольно расплылся в улыбке. Ребе был из числа людей с удивительным чувством юмора; такие за словом в карман не лезут и могут сообразить остроту буквально из ничего. При этом он совершенно не был язвителен. Да что там – более отзывчивого и дружелюбного человека я в жизни не встречал, а его умениям сохранять холодную голову и гасить любые конфликты внутри коллектива совершенно искренне завидовал. Сам я куда более резкий и на корню отсекаю любые неадекватные предложения, нередко – вместе с тем, кто их озвучивал.

Боря Кац, наш Лама, любил повторять, что мне нужно научиться искусству медитации, но я постоянно откладывал постижение этой науки на потом.

– Ладно тебе, человек просто спросил, – смеясь, сказал Никифоров.

Тезка Нахмановича, он был очень похож на него – такие же добрые глаза и вполне здоровое чувство юмора. Другое дело, что вопросы деловые Никифоров решал скорее в моем стиле – с ходу отказываясь от любых чрезмерно сумасбродных идей и не тратя время на объяснения, кто в чем не прав.

– Да ну вас обоих, – беззлобно проворчал Лама. – Потом на пленке посмотрю, что у вас тут за фестиваль юмора.

– Боря, опомнись, какая пленка? – хохотнул Ребе. – Сейчас две тысячи пятнадцатый!

– Вот ты зануда! Ну на флэшке!

– Дашь пейджер погонять?

Боря шуточно замахнулся на шутника и отвернулся ко мне, а Саши, переглянувшись, рассмеялись.

– Ну вот как дети малые порой, скажи? – спросил Кац с улыбкой.

– Как и все мы, – ответил я.

– Что есть, то есть, – хмыкнул Лама.

Я затушил сигару, поднялся и громко сказал:

– Ну что, народ? Поехали дальше, а то к фуршету опаздываем!

«Народ» поддержал одобрительным гулом. Снова оседлав наши моты, мы продолжили путь. Фонари «Уралов» освещали серые дома на окраине Воронежа, и ночной город отвечал нам своими огнями – вспыхивали и гасли окна, разноцветные лампы привлекали внимание к аляповатым билбордам, а луна служила таким ярким прожектором, который на несколько часов заменил уставшее солнце, чтобы оно смогло малость передохнуть перед завтрашним днем. Вдыхая ночную прохладу и любуясь очертаниями далеких многоэтажек, я подумал: «Как же классно жить».

Я знал, что подобные мелочи быстро приедаются – такова специфика любого путешествия. Сначала ты наслаждаешься ветром, обдувающим твоё лицо, потом тебя начинают раздражать слезящиеся глаза, тебя донимает простуда, и ты уже готов послать все к черту... и важно все эти моменты перетерпеть, напомнив себе, что туристам прошлого было еще сложнее. Что эти двенадцать с половиной тысяч километров, которые ты преодолел на байке за условный месяц, в прежние времена отняли бы минимум полтора, а то и два-три.

«Проехать через всю Россию, с востока на запад... на «Уралах»... Что за авантюра? Ладно – мы, с нашими мобильниками-интернетами. А дедушка – как? Еще тогда, в шестьдесят седьмом?»

С такими мыслями я ложился спать и вставал последние полгода – именно за шесть месяцев до нашего путешествия дневники дедушки впервые попали ко мне в руки.

«Интересно, он их кому-то показывал, кроме самых близких?..»

Вопрос в никуда, без адреса, не имеющий ответа.

Наконец впереди показалась вывеска с нужным нам названием – бар мерцал множеством светодиодных ламп, манил к себе громкой музыкой, доносящейся из-за приоткрытой двери. Рядом находилась платная стоянка, куда мы и загнали свои мотоциклы.

– Спорим, ты выбрал этот бар только потому, что тут рядом – охраняемая парковка? – хитро сощурившись, спросил Ребе.

– Ну не только поэтому, – ответил я. – Но из тех, которые находятся рядом с платной парковкой, этот – лучший. Плюс тут и гостиница совсем рядом – вон, видишь ту трехэтажку?

– Вообще отлично! – сказал Никифоров, проследив за тем, куда я указываю. – Вот это я понимаю – отдых с комфортом!

– Главное, помнить, что это – не конец путешествия, а только самое начало, – наставительно изрек Лама. – И впереди еще черт-те сколько километров по непонятным русским дорогам...

– Да помним мы все, Боря, – рассмеялся Ребе. – Просто смысл об этом думать сейчас? Сейчас надо гулять, праздновать старт грядущего ралли, а потом уже, собравшись с духом, отправляться на Сахалин... Правильно я говорю, Макс?

– Правильно, конечно, – кивнул я. – Не забивай себе голову этим всем, Борь. Мы все продумали, теперь осталось воплотить в жизнь.

Я похлопал друга по плечу, и он сдался:

– Ну убедили, убедили. Давайте праздновать!

Ваня шел рядом, с улыбкой наблюдая за нашей дружеской перепалкой. Ему, как новичку команды, было интересно все, от самого путешествия до подобных предстартовых фуршетов.

А нам казалось, что никакие неудобства – ни трущее седло, ни холодный сахалинский ветер – не заставят нас отступить от намеченной цели – добраться до Санкт-Петербурга.

«Хотя путешествие по России – это даже сложнее кругосветки, – думал я, вместе с друзьями шагая ко входу в бар. – Там все как-то по уму, транспорт, дороги, а тут кто его знает, что нас ждет? Судя по записям деда, в его время тоже было не очень здорово... интересно, изменилось ли что-то теперь?»

У входа фактурный охранник в черном курил тонкую бледную сигарету.

– А что у вас за мотоциклы, разрешите поинтересоваться? – воскликнул он, когда наша процессия приблизилась к нему.

Я внутренне подивился такому словесному обороту, но виду не подал и ответил:

– «Уралы», семьдесят вторая модель.

– Да ладно? – удивился охранник. – А выглядят, как новые.

– Так они только с конвейера.

– Их что, до сих пор выпускают?

– Ну, как видите.

– Вы местные? – подумав, спросил он.

– Нет. Из Москвы приехали.

Секьюрити, качая головой, затаился в последний раз, потом швырнул окурок в урну и сказал:

– Ну вы прям вообще экстремалы, как я погляжу.

Я не нашелся, что ответить.

Все вокруг убеждали нас, что садиться за руль отечественного мотоцикла – большой риск, но менять «Уралы» на те же «Харлеи» я не собирался. Это было дело принципа – насколько можно, воссоздать ралли «Родина».

«Иначе не стоило и затеваться».

Дверь бара распахнулась, и я увидел Виктора – офиссандо, который любезно вызвался организовать вечеринку по случаю нашего прибытия в Воронеж.

– О, какие люди! – заметив нас, радостно воскликнул мой товарищ.

Виктор был кучерявым мужчиной пятидесяти лет, высоким и плечистым. Я, признаться, изначально думал, что Денис покрупней, но стоило им поравняться, и эта мысль улетучилась, как сигарный дым: габаритами мой воронежский друг несколько не уступал нашему режиссеру.

– Витя, здравствуй, – сказал я с улыбкой и протянул ему руку, но он решил не скромничать и сходу сгреб меня в свои медвежьи объятия.

– Макс, дорогой... – пробормотал Витя, разжимая хватку и отступая на шаг. – И вы, парни... А я вас уже заждался... Вы чего так долго?

От него ощутимо пахло алкоголем, в чем, конечно же, не было ничего удивительного – вместо намеченных восьми часов мы потратили на дорогу тринадцать, то есть на пять больше, чем собирались. А Витя все это время провел здесь, в баре, поглядывая на часы и попивая виски.

– Да колеса попробовали, – со вздохом сказал я. – Причем ладно бы раз...

– А нечего на «Уралах» было ехать, – усмехнулся Виктор.

«Еще один!...»

– Поздно. Моты уже куплены, команда собрана, – с легким раздражением сказал я. – Тем более мы – за историческую достоверность, иначе смысл вообще ехать?

«Интересно, сколько раз за время путешествия я повторю эту фразу? – мелькнуло у меня в голове. – Наверное, уже к Хабаровску собою со счета...»

– Хороший, кстати, тост, – заметил Виктор. – За историческую достоверность... Пойдемте внутрь, выпьем за нее... самую.

Никто не возражал. Вслед за Виктором мы вошли внутрь и отправились к нашему столу, у которого уже дежурили две официантки – ждали, когда мой воронежский друг даст им отмашку.

И он, конечно же, дал.

– Несите, милые! – грянул он, и девушки, улыбаясь, побежали на кухню.

Мы же опустились на стулья. Усталость моментально накрыла нас своим тяжелым одеялом, но Виктор быстро налил всем выпить, и мы дружно опрокинули за историческую достоверность – как и собирались.

Несколько секунд спустя по организму разлилось приятное тепло, мысли мои прояснились. Теперь я мог оглянуться назад и, окинув наш путь трезвым взглядом, признать, что дорога в Воронеж оказалась не такой сложной, как я ожидал. Да, бесспорно, пришлось повозиться с колесами, но, если это будет единственной нашей проблемой во время «Ралли Родина», я первый признаю, что Ирбитский завод производит вполне годные мотоциклы.

«Пусть так и будет... Но с колесами еще поколдую – когда в Москву вернемся».

– Ну что, за удачу? – предложил Ребе, поднимая свою рюмку. – Пусть она сопровождает нас от Сахалина и до самого Питера!

– За удачу! – нестройным хором поддержали мы его.

В те минуты казалось, что грядущее путешествие будет не лишено тягот и неудобств, но вместе с тем зарядит нас позитивом от собственного подвига, от осознания того, что мы прошли этим тяжелым маршрутом, как наши деды в далеком 1967 году.

Тогда я и предположить не мог, что не всем из нас суждено добраться до финиша.

* * *

1890

В кабинете Кононовича, куда Чехова привел Ракитин, пахло дорогим табаком. От говорливой домоправительницы литератор узнал, что Владимир Осипович давно пытается изжить в себе эту вредную привычку – курение – но когда сильно волнуется, вынужденно нарушает данный обет.

Однако сейчас Кононович не выглядел расстроенным – напротив, встречал Антона Павловича широкой улыбкой. Седовласый и морщинистый, Владимир Осипович выглядел старше своих лет, но при этом сохранял яркий блеск зеленых глаз и живость движений, отчего казалось, что сил и страсти в начальнике острова хватит на трех Чеховых.

«Уж точно на двух таких, как я».

– Присаживайтесь, Антон Павлович! – почти сияя, предложил хозяин кабинета.

Чехов охотно сел. Генерал, напротив, поднялся и, обогнув стол, сказал с чинным кивком:

– Владимир Осипович Кононович, начальник этого острова и, следовательно, всей здешней каторги.

– Наслышан о вас, – сказал Чехов, тоже кивая.

– Это отрадно, – с прежней улыбкой сказал генерал. – Но я о вас, надо думать, слышал куда больше.

Прозвучало двояко. Антон Павлович заглянул Кононовичу в глаза, но те ничего не выражали – разве что смотрели не столько дружелюбно, сколько пристально, словно перед Владимиром Осиповичем был не живой человек, а музейный экспонат. Впрочем, Чехов не взялся бы судить, обычный интерес за этим взором генерала скрывался или тонкий расчет. Решив не торопиться с выводами, литератор сказал:

– Мне тоже лестно. Но давайте оставим формальности. Офицер Ракитин, которого вы ко мне приставили...

– Направил в помощь.

– Ну да, да... В общем, он сказал, что вы мне должны выдать какие-то документы...

– Да-да, точно, – засуетился Владимир Осипович.

Он вернулся в кресло и стал выдвигать один ящик стола за другим, покуда не отыскал нужный. Достав оттуда некую бумагу, Кононович мокнул перо в чернильницу и стал что-то выписывать на листе. Чехов терпеливо ждал, когда Владимир Осипович закончит.

– Ну вот, получите, – сказал Кононович, возвращая перо в подставку и подвигая документ к краю стола.

Чехов молча взял лист в руки, пробежал глазами.

– Это что? – спросил литератор, возвращая бумагу на стол.

– Временная справка о том, что я о вашем прибытии в курсе.

– А как же удостоверение, которое обещали? С этим ведь меня никуда не пустят!

– Будет, все будет, Антон Павлович, – с тяжелым вздохом сказал Кононович. – Единственное, не прямо сейчас. Придется немного обождать.

– Могу спросить причину? – осторожно полюбопытствовал Чехов.

– Прибытие генерала-губернатора Корфа на остров. Будет он здесь через неделю, а потом уже сможете... гхм... заниматься своим делом... в полной мере.

Антон Павлович медленно кивнул. О том, что раз в пять лет в конце июля на остров приезжает барон Корф с проверкой, он знал задолго до того, как отправился на Сахалин. Но разве мог литератор предположить, что визит генерала-губернатора способен каким-то образом помешать исследованию Чехова?

Это свое недоумение он и высказал – в предельно мягкой форме – начальнику острова, на что получил ответ:

– Поймите, это не моя прихоть: сам же Андрей Николаевич просил меня и вас подождать до его приезда.

– Вы меня озадачили еще больше, – хмурясь, признался литератор.

– А вы не ломайте голову понапрасну. Хочет, видимо, Андрей Николаевич перво-наперво с вами поговорить, познакомиться, так сказать, а уж потом...

Он кашлянул в кулак.

– Очень, очень жаль... – пробормотал Чехов, рассеянно глядя сквозь стену.

– Понимаю ваше разочарование, – кивнул Кононович. – Пробыть на Сахалине лишнюю неделю-две – так себе удовольствие.

– Ну, учитывая, что я собираюсь пробыть здесь несколько месяцев, беда не велика, – заметил литератор. – Но, признаться, я рассчитывал потратить проведенное тут время с большим толком.

– Несколько месяцев!.. – ахнул Кононович. – Вы серьезно?

– Исключительно.

– Что ж, в таком случае, должен сразу вас предупредить, что находиться здесь мучительно тяжело и скучно. Народ, кто может, отсюда бежит, и хоть сам я пока держусь, но чем дальше, тем чаще мысль о побеге будоражит и мой истерзанный ум, Антон Павлович. Работы тут – непочатый край, особенно с тех пор, как всех без разбору стали ссылать сюда, а не куда-то в другие места. У меня тут, верите, шесть тысяч ссыльнокаторжных. Шесть тысяч!..

– Я слышал про пять, – признался Чехов.

– Ну, фактически, тут около пяти с половиной... и на подходе с полтысячи где-то... И еще Андрей Николаевич с визитом... И вы... Ох... – шумно выдохнул Владимир Осипович. – Не принимайте только, пожалуйста, на свой счет. Просто время очень суматошное, дел уйма, ну и... вот.

Чехов кивнул. Искренность Кононовича подкупала. Глядя на этого человека, брошенного в самое пекло каторги и призванного разрешать все ее проблемы, литератор подумал, что никогда в жизни не справился бы с подобной задачей.

«Шесть тысяч осужденных. И каждого надо переписать, одеть, обусть... а потом еще содержать до окончания срока... Мыслимо ли?..»

Стоило представить, каких усилий и человеческих ресурсов стоила подобная работа, и голова пошла кругом. По всему выходило, что для охранения такого количества арестантов необходимо едва ли меньшее число солдат, которыми Владимиру Осиповичу надлежало управлять...

«И вольные еще. Которые тоже могут... доставить хлопот».

Теперь Чехову казалось, что несколько месяцев на Сахалине – ничтожно малый срок для той цели, которую он намеревался достичь, покидая дом и родных.

«Вот только о какой скуке он говорит? – думал литератор, немного растерянно глядя на Кононовича. – Когда скучать?»

Они поговорили еще с полчаса или чуть больше – время в беседе со столь остроумным и находчивым человеком, как Владимир Осипович, летело стремительно и оттого незаметно. Наконец Кононович спохватился и, сказав, что у него еще много дел, распрощался с Чеховым.

– Вы, как я слышал, решили остановиться у нашего «врага»? – спросил Владимир Осипович, когда они с гостем уже стояли в дверях.

– Если вы так остроумно зовете доктора Толмачева, то – да, у него, – подтвердил Чехов.

– Что ж, это, пожалуй, даже по-своему хорошо – узнаете наши слабые места, – туманно сказал генерал.

Он ухмыльнулся собственной шутке и, крепко пожав гостю руку, пообещал, что непременно попросит Ракитина заехать за Антоном Павловичем, едва появится хоть одна свободная минута. Чехов искренне поблагодарил Кононовича и вышел из кабинета.

...Следующие несколько дней литератор редактировал путевые дневники и продумывал, как будет строить работу, когда получит от начальника острова нужное удостоверение. Сконцентрироваться на делах мешала подготовка местных к приему барона Корфа: мало что младшие офицеры гоняли заключенных почем зря, латая то и это, так еще и аккуратно напротив дома доктора находилась солдатская казарма, в которой оркестр из военных музыкантов репетировал марши к приезду Андрея Николаевича. Причем, как заметил Чехов, каждый исполнял свою партию без оглядки на других; получалась такая какофония, что хотелось заткнуть уши и сбежать на самый далекий край острова, а то и обратно на материк.

«Ничего... – успокаивал себя литератор. – Это всего на неделю, а дальше уже скучать не придется...»

Взяв за правило отправляться на прогулку, едва заиграет оркестр, Чехов однажды добрел до того места, где прежде находились черные останки сторевавшей казармы, и с удивлением обнаружил, что ничто более не напоминает о недавней трагедии. Позже Антон Павлович спрашивал у Ракитина, не Карл ли Христофорович это расстарался, и Ракитин отвечал, что да, он.

– А вы что думаете о Ландсберге? – спросил как-то Чехов у своего радушного хозяина, доктора Толмачева.

– А я о нем как-то особенно не думаю, – помедлив, ответил тот. – Парень он толковый, но несдержанный. Как ветер в море – дует сильно, но не всегда в нужную сторону.

Сравнение показалось Чехову неплохим, и он записал его себе в дневник, как, впрочем, и многие фразы, услышанные от доктора. «Враг» Кононовича оказался пронырливым малым, любящим донимать руководителя острова разнообразными кляузами, но умом обладал светлым и посему более располагал к себе, чем отталкивал.

– Уверен, барон, как приедет, непременно сразу вас к себе позовет, – заверял Чехова доктор.

– Да ну, – отмахивался литератор. – Не слишком ли много чести?

– Вот попомните мое слово, – веско кивая, говорил Толмачев. – Не успеет еще наш тошнотворный оркестр смолкнуть, а Корф уже попросит Кононовича, чтобы вас привел.

Антон Павлович до последнего думал, что все это несусветная чепуха и времени для него у генерала-губернатора не найдется вовсе. Однако радушный хозяин оказался прав: через два дня после прибытия на остров барон изъявил желание встретиться с Чеховым.

– Надо же, как быстро он до меня добрался... – удивлялся литератор, когда они с Ракиным ехали во временную резиденцию генерала-губернатора.

– Скука тому виной, Антон Павлович, – усмехнулся офицер. – Все здесь он уже видел и все вгоняет его в тоску, а тут – вы...

«И этот мне про скуку... – подумал литератор с досадой. – Ладно еще Кононович, который тут сидит безвылазно. Но Корф!.. Он же сам только-только прибыл! Неужто он уже переделал все, что хотел? Да за два дня даже тысячу заключенных не выслушаешь, а их тут – пять с лишним...»

Чехов недоумевал всю дорогу в резиденцию, недоумевал, поднимаясь по лестнице и входя в кабинет.

– А, Антон Павлович!.. – поприветствовал литератора Кононович.

Начальник острова тоже оказался внутри – сидел на одном из кресел напротив стола, по ту сторону от которого разместился барон Корф. Все в его облике свидетельствовало о благородном происхождении – выправка, снисходительный взгляд, ухоженная борода и изящное пенсне, через которое он смотрел на Чехова, немного прищурив глаз.

– Доброго дня, Антон Павлович, – пророкотал барон, и литератор понял, что и голос у Андрея Николаевича был под стать облику – густой с хрипотцой баритон. – Прошу, присаживайтесь. Не устали с дороги?

– Нет, что вы? Меня же везли, – ответил Чехов, принимая приглашение барона.

– Ну, на Сахалине может утомить даже вид из окна экипажа, – с ухмылкой заметил Корф.

Он покосился на Кононовича, и тот заулыбался и закивал, соглашаясь с высокопоставленным гостем:

– Тут вы, Андрей Николаевич, очень правы!

– Ну, я здесь не столь долго, чтобы утомляться от вида местных пейзажей, – заметил Чехов. – Все мне тут интересно – по крайней мере, пока.

Кононович и Корф снова переглянулись, удивленные такими словами литератора.

– А позвольте испросить, Антон Павлович... – Барон откинулся на спинку кресла и кашлянул в кулак. – Какую цель вы преследовали, отправляясь на Сахалин?

Услышав вопрос, Чехов заметно напрягся. Если судить по тому, как часто его спрашивали о причинах, побудивших плыть на остров, складывалось впечатление, что все здешние военные охраняют от приезжих какую-то страшную тайну и люто боятся ее разоблачения.

«Наверное, мне это все чудится, – подумал литератор, глядя на барона Корфа. – А я для них просто-напросто незванный гость, который известно кого хуже... Ну кто любит, когда по твоему дому разгуливает малознакомый человек и заглядывает в самые темные углы, будто ища, нет ли там паутины?..»

Видя некоторое смятение, генерал-губернатор пояснил:

– По крайней мере, нет ли у вас какого-нибудь... официального поручения?

«То есть не вынохиваю ли я чего-то? Ну ясно».

– Нет, ни официального, ни иного поручения у меня нет, – вслух сказал Антон Павлович. – Более того, поехать сюда мне никто не советовал – это я сам принял такое решение, исключительно из праздного любопытства.

– То есть с газетами или, скажем, учеными обществами ваша поездка также не связана... – пробормотал Корф, скорее констатируя факт, чем интересуясь.

Видя, что Чехов его не поправляет, барон, кажется, немного успокоился и, подумав недолго, сказал:

– Что ж, в таком случае позволяю вам бывать, где угодно. Нам с Владимиром Осиповичем от вас скрывать нечего, а потому мы сейчас организуем удостоверение, по которому вы легко пройдете в любую тюрьму и поселение. Единственное, что не могу вам позволить, Антон Павлович – это общение с политическими. Такое разрешение, к сожалению или к счастью, выдать вам не могу, даже если бы имел желание... но я, честно скажу, не имею.

Чехов медленно кивнул. Добрый его товарищ, Сурков, предупреждал и об этом, а потому литератор ничуть не удивился.

Корф, явно удовлетворенный реакцией гостя, хлопнул в ладоши и сказал:

– В таком случае завтра же все оформим.

– Отчего не сегодня? – осторожно полюбопытствовал Чехов.

– Оттого, что сегодня в резиденции Владимира Осиповича планируется торжественный обед по случаю моего приезда. Куда я вас, пользуясь случаем, хочу пригласить.

– С радостью буду, – пообещал Антон Павлович.

И действительно приехал, хоть и не очень желал. Торжество оказалось довольно скучным – гости слушали байки Корфа и кивали, соглашаясь с каждым его словом. Чехову же все истории показались довольно скучными – кроме одной: ее, единственную, литератор не преминул записать в путевой дневник сразу по возвращению домой.

«Путешествуя по нашей стране и по Европе, – сказал Андрей Николаевич, стоя с рюмкой в руке и с теплой улыбкой взирая на собравшихся, – я не раз с гордостью ловил себя на мысли, что тут, на Сахалине, «несчастливым» живется куда лучше, чем где бы то ни было. Это вовсе не значит, что мы должны почивать на лаврах – дороги добра бесконечны, но мы должны стремиться пройти по ним как можно дальше!..»

Уже утром, снова отправляясь к барону, Чехов поймал себя на мысли, что слова, сказанные Корфом, звенят в ушах до сих пор. И тем громче они становились, чем чаще встречались по пути кандалные арестанты и простые заключенные, оков лишенные.

«Если это – хорошая жизнь, то что же тогда делается в остальном мире? – с удивлением и досадой думал Чехов. – Или там нарушителей закона сразу казнят?»

– А, Антон Павлович! – радостно воскликнул Корф, когда Чехов вошел в его кабинет. – Присаживайтесь-присаживайтесь...

Если б не отсутствие в кабинете Кононовича, литератор решил бы, что он каким-то чудесным образом вернулся в прошлое – до того нынешний визит походил на вчерашний.

– Вы все помните, что я говорил про политических? – спросил барон, пристально посмотрев на Чехова.

– Помню, Андрей Николаевич, как такое забыть?

– Это верно, – кивнул Корф и потянулся за пером. – Лучше не забывайте...

– А что еще вы могли бы рассказать мне про остров, Андрей Николаевич? – поинтересовался литератор, наблюдая за тем, как барон выписывает удостоверение красивым каллиграфическим почерком.

– Про Сахалин-то? – хмыкнул генерал-губернатор. – О, да я могу вам столько рассказать, что вам на три книжки ваших хватит...

– С охотой их напишу, если будет материал, – пообещал Чехов.

– Ну на то, чтоб столько вам надиктовывать, времени у меня, к сожалению, нет. Более того – даже если б было, не позволил бы я себе отнимать столько вашего ради этого наискучнейшего острова!

– Как вы, однако, любите подчеркивать, до чего же здесь скучно!.. – заметил Антон Павлович.

– Позволю себе пояснить, – с ухмылкой сказал Андрей Николаевич. – Как человек поживший, я давно понял, что скука – не обязательно плохо. Скорее, даже напротив, скука хороша, поскольку скука означает отсутствие каких-либо ярких событий, в том числе и скверных. Следовательно, говоря, что на Сахалине все скучно, я подразумеваю, что тут все идет своим чередом, без особых радостей, но в то же время и без бед. А когда мы ведем речь о каторге, не это ли лучший комплимент?

Чехов вынужден был признать, что, пожалуй, для тюрьмы это действительно своего рода комплимент.

– Вот и я про что, – обрадовался Корф. – Ну что же мы можем сделать для людей, находящихся в ссылке на острове? Они ведь уже и так наказаны – тем, что оторваны от жизни на материке, от цивилизации! Так стоит ли усугублять их положение какими-то телесными пытками?

И снова Чехов с ним согласился, что нет, не стоит.

– Мы с Владимиром Осиповичем вообще не очень-то все это дело любим, – доверительно сообщил генерал-губернатор. – Пытки – это не про нас. Только для крайних случаев! Запереть можем, заковать, как эту... Софью Блювштейн, чтоб ей пусто было...

Последние слова он сказал очень тихо, но Антон Павлович расслышал, и Корф, это поняв, торопливо сказал:

– Прошу меня простить, но особа эта, более известная в преступных кругах, как Сонька Золотая Ручка, слишком уж много хлопот доставила мне и в особенности Владимиру Осиповичу.

– Чем же она вам досаждала?

– Неумным желанием во что бы то ни стало покинуть остров. Порой мне кажется, что она жаждет этого, куда больше, чем я сам!

Антон Павлович неуверенно хмыкнул.

Чем дальше, тем больше укреплялся он в мысли, что барон Корф чрезвычайно слабо представляет себе, насколько тяжела жизнь арестанта – особенно в сравнении с жизнью генерала-губернатора, посещающего Сахалин раз в пять лет.

* * *

1967

– О чем думаешь, Володь? – спросил Косарев.

Привезенцев вздрогнул, поднял голову и рассеяно посмотрел на старого товарища из редакции «Молодой гвардии».

Они остановились километрах в десяти от города Чехова, чтобы поменять пробитую шину – во второй раз за сегодня. Механик отряда Пеньковский предположил, что им просто не везет, но ход событий удручал. Благо, лето уже добралось до восточной части страны и радовало путников теплым, но не палящим солнцем, легким ветерком, который играл в волосах и дарил прохладу, а кроны деревьев, что стояли за обочиной, дружелюбно шуршали зеленой листвой, провожая мотоциклистов в их долгое путешествие.

– Про запаску в дневнике не пишем, – заметив, что Хлоповских полез в рюкзак, спешно предупредил Рожков. – И снимать это тоже не надо. Помните ведь, Владимир Андреевич?

Хлоповских вопросительно посмотрел на режиссера.

– Согласен с Геннадием Степановичем, – нехотя сказал Привезенцев. – Не стоит заострять внимание на таких пустяках. Вот ты бы сам захотел читать про дырку в колесе? Или, тем более, в телевизоре смотреть, как его кто-то меняет.

– Не захотел бы, – признал Хлоповских. – Но сказали ж вроде бы все писать, как было...

– Ну, прям все! – хмыкнул Рожков. – Этак нам никакого дневника и пленки не хватит! Встали с утра, зубы почистили, позавтракали... Кому это нужно, кроме нас? Правильно, Владимир Андреевич?

Он снова искал поддержки, и Привезенцев, поколебавшись, все-таки кивнул. Тогда, в актовом зале, он не сразу понял, что Лазарев притащил с собой точную свою копию, но сомнения, кто перед ним, отпали практически сразу, едва режиссер пришел на дополнительный инструктаж. О, как много два чиновника твердили про честь и ответственность, которые Родина и ее вожди вверяют участникам ралли!.. Как будто от того, насколько успешно себя покажут Привезенцев и его команда, зависит, без малого, судьба всей страны.

– Дело государственной важности, – веско произнес Лазарев.

– Это понятно, – устало сказал Привезенцев. – Но о чем должен быть наш фильм?

– Как о чем? – удивился чиновник. – Об автомотопробеге с Сахалина до Ленинграда. Что за странный вопрос, Владимир Андреевич?

Возникло желание встать и уйти, но Привезенцев слишком долго и много проработал с такими вот лазаревыми, которые умели здорово надуться от важности, поддакивать начальству и поучать младших по чину, однако соображали на редкость туго. Увидишь такого в телевизоре – чиновник, матерый, умудренный опытом. Однако стоит ему открыть рот, и тебе становится страшно – от того, что этот вот человек играет какую-то значимую роль в судьбе твоей страны.

– Да я ж про идею, идея в чем конкретно, это я пытаюсь понять... – терпеливо объяснил режиссер.

– Идея? – презрительно фыркнул Лазарев. – Идея в Октябре, разумеется. Чего же тут непонятного? Пятьдесят лет Октябрю. Опять какие-то странные вопросы...

Привезенцев поднял глаза. Казалось, он так и не сможет вытянуть из чиновника никакой конкретики, но тут Рожков вдруг сказал:

– Я, кажется, понял. Вы, наверное, хотите понять, почему именно ваш мотопробег должен вдохновить людей на новые трудовые подвиги?

– Да, именно это я и хочу понять, – облегченно кивнул Привезенцев.

На мгновение ему показалось, что Рожков тоже все понимает, но следующая фраза Геннадия снова повергла режиссера в уныние:

– Но это же очевидно: вы на мотоциклах патриотической марки «Урал» и автомобиле «ГАЗ-21» пересекаете Советский Союз, практически от самой восточной границы и до берегов Балтики. Разве не это – подвиг силы и духа?

«Проехать по нашим дорогам – да, тот еще подвиг», – мысленно согласился Привезенцев, но вслух этого, конечно же, не сказал.

– Вот и я думаю, что это вполне очевидно, – хмуро глядя на режиссера, вставил свои пять копеек Лазарев. – Вы там не приболели часом, Владимир Андреевич? Вам вроде бы не впервой снимать подобные фильмы. Чего же так удивляетесь? И книга у вас должна выйти, про путешествие по Сахалину...

– Ну книга и фильм все же – совершенно разные форматы, – заметил режиссер. – Книга – это... это объем, возможность побольше рассказать о красотах родного острова... в фильме же все должно быть куда как... лаконичней. Просто не совсем понятно, чему и кому следует уделить наибольшее внимание?

– Первое и главное – на личностях путешественников не концентрируемся вообще, – пожевав губу, заявил Лазарев.

– Вообще? – не понял Привезенцев.

– Нет, ну вначале, конечно же, участников представим, потом, понятно, они будут мелькать в фильме то тут, то там... – оговорился чиновник. – Страна, разумеется, должна знать своих героев, куда же без этого? Но именно... именно мусолить вас на экране без необходи-

мости не нужно. Не нужно повторять, что такие-то такие-то отправились туда-то туда-то... Вот: самое главное – зритель должен понимать, что каждый достойный гражданин Советского Союза может оказаться на месте любого из участников ралли «Родина» и преодолеть весь маршрут... с улыбкой на лице, непринужденно!..

Лазарев и сам тут же расплылся в улыбке – видимо, демонстрируя, какие должны быть лица у Привезенцева и его спутников в фильме про мотопробег.

«Похоже, только монтаж нас и спасет, – исподлобья глядя на чиновника, подумал режиссер. – Правда, снимать придется очень много, потому что многое потом и вырежут... но он правильно говорит – мне ли к этому привыкать?»

Дальше Лазарев и Рожков говорили много и все вроде бы по делу, но к середине беседы Привезенцев устал слушать эти давно зазубренные фразы, повторяющиеся из раза в раз. Основной посыл был совершенно ясен: ты, Владимир Андреевич, советский творец, а творцы в Союзе нужны, чтобы восхвалять нашу Родину и заражать «красной» идеей сердца и умы рядовых тружеников, коих у нас в избытке.

И теперь, стоя чуть в сторонке от всех, Привезенцев смотрел на небо и думал...

– О доме, – сказал режиссер, повернувшись к Альберту. – Об Ире с Андреем... о Софье.

– Как они? – участливо спросил журналист.

– Софья опять болеет, – помедлив, со вздохом произнес режиссер.

– Тяжелое что-то?

– Да нет, мигрени. Но что-то слишком часто в последнее время. Беспокоюсь, как она там... давно так надолго не уезжал.

Режиссер вспомнил, как они с Софьей накануне перед отъездом заперлись на кухне и пили чай. Было уже около половины первого ночи, дети спали, а они сидели на кухне и смотрели в окно.

– Интересно, это когда-нибудь закончится? – спросила жена. – Гоняют тебя, как молодого...

– Хотел бы я знать, – прихлебнув из кружки, ответил Привезенцев. – Сам уже устал. Хотя, с другой стороны, если б так не дергали, может, и наш с тобой запрос бы отклонили в детский дом. Конечно, не факт, что мы таким образом отыщем информацию о твоих родителях, но даже шанс в нынешнее время – это уже много!

– Я знаю, Володь, – пробормотала Софья, отведя взгляд в сторону. – Знаю... и рада, что мы пробуем...

Она замолкла – явно смутилась, и Владимир, все поняв, взял жену за руку. Их пальцы сплелись. Софья бросила на мужа взгляд из-под длинных ресниц и снова отвернулась.

– Прекращай, – мягко сказал Привезенцев. – Я сам хочу этого, хочу помочь. Это важно – знать, кем были твои родители. Ты бы, понятно, и не попросила никогда...

– Я просто понимаю, что это ничего не даст, Вов, – со вздохом сказала жена. – Но ты все равно молодец. Спасибо тебе огромное.

– Что еще за «спасибо»? – хмыкнул Владимир. – Мы что, чужие люди?

– А разве своих благодарить не надо за что-то хорошее? – с робкой улыбкой спросила Софья.

Она была такая искренняя и трогательная, что он тоже не удержался. Расплывшись в улыбке, Привезенцев наклонился к ней и поцеловал в щеку.

– Ты права, – сказал он. – Кто еще от души поблагодарит, как не свои?

В том вечере не было ничего особенного: Привезенцевы часто сидели вот так на кухне, говоря обо всем и ни о чем, попивая чай и любуясь звездным небом. В такие минуты Владимир понимал, как хорошо жить, и все дурное, что происходило раньше, казалось ему надуманным и преувеличенным.

Потому и не любил режиссер надолго уезжать из дома: в путешествиях, вдали от жены, дочери и сына он безотчетно терял стимул работать вопреки обстоятельствам. Его батарейка постепенно садилась, и Привезенцеву все больше и больше хотелось послать все к черту и вернуться домой, чтобы снова зарядиться спокойствием и обрести душевную гармонию. Но Владимир Андреевич слишком хорошо понимал, что за этим последует, а потому терпел, стиснув зубы.

– Не переживай, – сказал Альберт, отвлекая друга от мыслей. – Все с ними будет хорошо. Пролетят эти полтора месяца – и не заметишь.

– Хотелось бы верить, что так и будет, – со вздохом произнес режиссер, – но пока тяжело, честно говоря. Понимаю, что сегодня вечером я не вернусь домой и не пожелаю доброй ночи жене и детишкам, и сразу на душе тоска... Такой простой, но хороший ритуал, Альберт. Так спокойно на душе, когда слышишь, как тебе отвечают любимые твои люди...

– Закончили, Владимир Андреевич! – крикнул Пеньковский. – Давайте дальше ехать, пока не стемнело, а там уж в Холмске спочуем спокойно и поплывем...

– Идем мы, идем! – отозвался Привезенцев.

И добавил тише, поскольку обращался к Альберту:

– В общем, за меня не волнуйся, я просто очень скучаю по дому. Отвык быть далеко от семьи.

– Ну и хорошо, если дело только в этом, – одобрительно кивнул журналист.

Он первым устремился к другим участникам мотопробега, и Привезенцев последовал за ним. Ветер продолжал трепать путникам волосы и одежду. Поправив очки, Альберт уселся в седло мотоцикла и завел мотор. Рожков, встрепенувшись, пошел к режиссеру и его товарищу.

«Чего опять?» – подумал Привезенцев.

Он забрался в люльку и, достав камеру, снял крышку с объектива.

– Утром баржа, провожающие будут, надо это все хорошо отснять, – быстро сказал Рожков. – Наверное, на отдельной пленке, чтобы никуда не делось. Сделаете, Владимир Андреевич?

– На отдельной так на отдельной, – пожал плечами Привезенцев. – Утром напомним только, хорошо?

– Конечно-конечно! – пылко заверил Геннадий. – Спасибо!

Круто развернувшись, он вернулся к своему мотоциклу, забрался на него и поднял руку, привлекая общее внимание.

– Важничает, – хмыкнул Альберт, глядя на чиновника поверх очков.

– Имеет право, – саркастически произнес режиссер. – С самим Лазаревым дружит! Это вам не хухры-мухры!

Альберт расплылся в улыбке и, поправив очки, нахлобучил на голову шлем.

«А все-таки хорошо, что его тоже вызвали, – подумал Владимир Андреевич, посмотрев в сторону журналиста. – Хоть есть с кем поговорить».

Он окинул свою команду задумчивым взглядом. Народ неплохой, но интересы разные, общих тем для разговора фактически нет, поэтому Альберт в этом отношении – просто дар свыше. А вот Рожков...

«С другой стороны, не его, так кого-нибудь другого нам Лазарев бы подsunул. Совсем без надзирателя бы точно не отпустил, не в его духе. Так что, возможно, еще не худший вариант».

Привезенцеву вспомнился их первый мотопробег по Сахалину. Тогда, в 1958 году в команде собрались совсем другие люди, но что в тот раз, что теперь среди них непременно был соглядатай Лазарева.

«Что это? Трусость? Или просто желание постоянно держать руку на пульсе?»

Во время путешествия по острову обошлось без особых проблем – благо, надзиратель сильно не высывался – только записывал что-то в крохотный блокнотик и время от времени

спрашивал у Привезенцева то и это. Владимир Андреевич сдержанно отвечал, и в итоге все закончилось хорошо: по результатам мотопробега выговоров никому не объявили, а самого режиссера даже поощрили благодарностью – за написание книги совместно с двумя другими журналистами, один из которых – о, чудо! – как раз таки и был ставленником Лазарева.

«Ну, и Бог с ним. Тем более что он действительно помогал, а не просто числился в авто-рах. А мне «славы» не жалко».

И вот – новое испытание, на сей раз куда более трудное: почти пятнадцать тысяч километров рядом с верным соглядатаем зампреда горисполкома. Пока что Рожков не сильно мешал путешествию и вел себя ровно так, как и подобает любому мелкому чиновнику – упивался той незначительной властью, которая ему перепала. Впрочем, в масштабах их скромного отряда даже такой самодур мог нанести определенный вред.

«Надеюсь, я ошибаюсь, – подумал Привезенцев, – нам и без того немало придется потерпеть... хотя если он вокруг замены колеса так лихорадочно скачет с криками: «Не снимай, не пиши», то что от него можно ждать в более щекотливой ситуации? Посмотрим-поглядим... В любом случае, это должно быть, как минимум, интересно».

Мотоцикл Рожкова тронулся с места и медленно выполз на дорогу. Привезенцев запустил камеру и начал съемку. Альберт дал газу, и «Урал», взревев мотором, поплелся вперед, по изуродованной трещинами грунтовке в направлении портового города Холмск.

Утром было назначено отплытие и торжественные проводы.

«Софья с детьми приедет...»

От этой мысли на душе стало тепло.

* * *

2015

– А вот и мой дом, – сказал я, не в силах сдержать улыбку. – Здесь я жил.

Мы стояли рядом со старой южно-сахалинской пятиэтажкой, на которой располагалось мозаичное панно «1917-1967» – идеальный кадр для нашего фильма.

– Снимай-снимай, – будто прочтя мои мысли, буркнул Денис оператору.

– В шестьдесят седьмом его и закончили, – повернувшись к камере, объяснил я. – Приурочили сдачу к пятидесятилетию Октября. Ну это как раз год ралли «Родина». Там много чего достраивали в тот год, так что – мелочь вроде бы... но вместе с тем – символично.

Мы обошли дом кругом.

– А вон окна нашей квартиры. Вон моя комната... да, столько воспоминаний!..

Честно скажу, современный Южно-Сахалинск меня очень радовал. Когда я только только начал интересоваться путешествием моего деда и прилетел сюда, чтобы покопаться в местном архиве, город уже был довольно ухоженным, а сейчас и вовсе расцвел: новая плитка на тротуарах, новый асфальт, новые красивые фасады администрации и рядом стоящих зданий. Местные говорили, что это связано с месторождениями нефти, которые активно разрабатывали... Мол, нефтедобытчикам теперь разрешают качать «черное золото», а они в свою очередь реставрируют центр города. Эта версия была вполне похожа на правду – учитывая качество ремонта. Конечно, центр – еще не весь город, но, главное, начало положено, а там, глядишь, и до окраин доберутся...

«Если нефть раньше не закончится».

Один вид моего дома, почти не изменившегося с тех пор, как я покинул его в далеком восьмидесятом году, невольно заставил меня погрузиться в воспоминания. Моя личная машина времени, та, что всегда существовала в моей голове, отправила меня в прошлое; то были славные деньки, когда я жил, гулял, учился и ни о чем особенно не беспокоился. Потом,

уже в подростковом возрасте, мы переехали во Владимир, где я поступил в местный политех. Иронично: поступал еще при СССР, а заканчивал уже гражданином России, в девяносто пятом. О той поре у меня сохранились противоречивые воспоминания, но вот детство на Сахалине было волшебным: из-за материнской заботы я не замечал негатива вокруг, а потому рос вполне счастливым и довольным. Дедушка учил меня фотографии, и мне, в общем-то, нравилось это хобби, но получалось, прямо скажем, не слишком – особенно на фоне того, что делал мой «наставник». Да и тянуло меня больше ко всяким железякам: сначала – к конструкторам, потом – к мотоциклам. Многие спрашивали меня – почему байки, Макс? А я неизменно отвечал – потому что они дарят ощущение свободы.

Я оглянулся на наши «Уралы», которые рядком стояли позади. Иронично, но их путь на Сахалин занял полтора месяца – куда больше, чем я планировал потратить на сам мотопробег. Погрузив их на платформу в Москве, мы отправили нашу технику на остров, где ребята из местного байк-клуба «Вольфганг» любезно приняли ее и определили в гараж до нашего приезда.

– Ностальжи? – спросил Лама.

– Она самая, Борь, – с улыбкой сказал я. – И ведь заезжал сюда, относительно недавно, когда в архиве копался... а все равно в душе что-то шевелится, когда к этому дому подхожу.

– Все места, где мы пребывали достаточно долго, оставляют кармический след определенных оттенков и глубины, – философски изрек Боря. – Так что ничего удивительного.

Он был в своем репертуаре – любой жизненной ситуации Лама находил подходящее объяснение, основанное на восточной мудрости.

– Кармический след – это очень верно, – пробормотал я, снова окидывая взглядом дом.

Случалось тут и хорошее, и плохое, но в общем и целом впечатления остались сугубо положительные. Наверное, всему виной окружение – мне повезло вырасти в атмосфере любви и взаимовыручки, причем речь шла не только о маме и дедушке: когда у кого-то случались проблемы, на помощь приходили соседи, коллеги и просто хорошие люди. Причиной тому была обособленность от материковой части страны: сахалинцы на острове понимали, что помощи «с большой земли» ждать особо не приходится, а потому держались вместе, словно одна большая семья.

«Ах, какое было время...»

Дверь моего подъезда открылась, и наружу вышел мужчина примерно моих лет. Лицо его показалось мне до боли знакомым.

– Серега, Олифиренко, ты? – спросил я, не веря своим глазам.

– Макс?... – неуверенно пробормотал он.

Судя по его удивленной физиономии, он тоже слегка опешил от такой неожиданной встречи.

– Серега! – улыбаясь во все тридцать два, воскликнул я куда уверенней, чем прежде, и пошел к нему, а он в свою очередь – ко мне.

Мы, поколебавшись недолго, обнялись.

– Ты чего, тут до сих пор? – спросил я, мотнув головой в сторону родной многоэтажки.

– Ну а то куда ж я денусь? – хмыкнул он. – Живу себе, помаленьку...

– И чем занят?

– Да так, тружусь то тут, то там... Но что мы все обо мне да обо мне? Тебя-то сюда каким ветром? Ты ж вроде во Владимире обитал, потом, кажется, в Москву перебрался...

– Да, в Москве и живу. Дело у меня свое, сигарами занимаюсь и мотоциклами. Что еще... Женился, трое детей. В общем, все здорово.

– Даешь... – протянул Сергей.

В голосе его мне почудилась зависть.

– А это – твои друзья, из Москвы? – спросил он, неуверенно махнув рукой в сторону моих спутников.

– Да-да, именно так.

Я по очереди представил всех моих компаньонов и вслед за последним рукопожатием сказал:

– Я еще к Андрюхе Ермакову хотел зайти, не знаешь, там же он живет или уже нет?

– Ох... да даже и не знаю, – наморщив лоб, ответил Серега. – Как-то мы с ним... не особо. Со школы его не видел.

– Ну, даете, – хмыкнул я. – А вроде город такой маленький... и на тебе – потерялись.

– Ну взрослая жизнь же... Все заняты... У всех свои дела...

Я окинул Серегу задумчивым взглядом. На того парня, с которым мы дружили почти тридцать лет назад, он походил уже весьма условно – теперь это был взрослый мужчина, типичный сахалинец, с небольшим пивным животом, проседью в темных волосах и серыми потухшими глазами. Он явно давно смирился со своей участью и никуда уже не рвался.

«И о чем с ним говорить? – вдруг мелькнула в моей голове крамольная мысль. – Тридцать лет прошло...»

Но просто развернуться и уйти мне не позволили детские воспоминания – чего стоила только история с ловлей корюшки на реке Хомутовке, когда нас, мокрых и замерзших, застывали у костра сотрудники рыбнадзора. К счастью, вид наш оказался настолько жалким, что сдавать «нарушителей» родителям не стали – только пожурили немного и, забрав Серегин рюкзак с уловом, ушли.

«Точней, с половиной улова».

Свой ранец я предусмотрительно спрятал в лопухах, чтобы рыба на солнце не заветрилась. В общем, повезло так повезло: и в опалу не попали, и при «добыче» остались. В итоге, как и положено настоящим друзьям, оставшуюся корюшку мы разделили поровну и, довольные, отправились по домам, пока рыбнадзор не вернулся.

– Может, вечером пересечемся? – спросил я у Сереги.

– Да можно, – неуверенно пожал плечами он.

– Давай номер, я наберу, – сказал я, вытащив из кармана мобильник.

Он продиктовал, я сбросил ему вызов, и мы, пожав друг другу руки, разошлись.

– Наберу, – повторил я, будто пытался сам себя убедить.

– Слушай, мы, может, в гостиницу пока пойдем, – сказал Ребе, когда Серега ушел. – А то твои друзья детства чего-то смущаются нашей компании. Да и устали мы малость после перелета.

– Ну, как хотите, – ответил я. – Вам, наверное, тут и вправду скучно, а у меня воспоминаний гора.

Распрощавшись с друзьями, я пошел через двор к подъезду, где жил Андрюха Ермаков, мой старый школьный товарищ. Сколько историй нас связывало!.. Именно с Андреем мы в четвертом классе собрали первый мотоцикл из хлама, который нашли на охраняемой его дядей свалке (как я с того «чуда техники» навернулся – мама не горюй, ободрался весь буквально...). Именно Андрей преподавал мне важный жизненный урок, что за свои слова ты должен отвечать только сам: будучи пятиклассником, я зацепился языками с парнем на два года старше и по наивности решил, что Ермаков за меня вступится.

– Э, нет, Макс, – покачал головой Андрей. – Если кто-то из его дружков полезет, я тоже ворвусь, а так – один на один, все по чесноку.

Мне, конечно, тогда навалили по полной, но главное я запомнил: будь готов отвечать за свои слова и никогда не перекладывай ответственность на других. Андрей был правильным и порядочным парнем, и я много хорошего у него перенял.

«Как, надеюсь, и он у меня».

Шагая к дому Ермакова, я озирался по сторонам, пытаюсь понять, что за странная метаморфоза произошла с этими местами: все, кроме разросшихся деревьев, теперь казалось маленьким, почти игрушечным. Вот площадка, где мы гоняли в футбол и хоккей; по ощущениям из детства – самое настоящее спортивное поле, а на деле такой крохотный пятачок... и совершенно не понятно, как мы все на нем умещались? Вот там, на старом каштане, мы строили шалаш – а ведь на этих ветках, кажется, даже крохотная стайка птиц не уместится...

«Кукольный город... из которого я, похоже, вырос».

Ныне даже расстояние между моим и Андрюхиным домами выглядело совершенно смешным: пара минут – и я уже у него в подъезде. Первый этаж, дверь слева. Старый звонок с оплавленной кнопкой – местная шпана постаралась. В остальном подъезд почти не изменился – разве что стал малость поопрятней.

Открыли мне не сразу: пришлось звонить раза три, прежде чем изнутри донесся звук шагов. Наконец дверь распахнулась. На пороге стояла худая женщина лет шестидесяти с ребенком на руках.

«Бабушка и внучка?..»

– Добрый день, – с улыбкой сказал я. – Я ищу Андрея Ермакова, он жил здесь тридцать лет назад.

– Ого, как вы долго... не заходили! – удивилась женщина.

– А я тут не был много лет, – признался я. – Жил в другом городе. На материке.

– Ну, тогда я вас расстрою: мы эту квартиру купили еще пятнадцать лет назад и не у Ермаковых, а у совсем других людей. Так что помочь вам, к сожалению, не смогу.

– Что ж, тогда извините за беспокойство, – сказал я. – До свидания.

– Да ничего. Удачи вам, молодой человек, в поисках друга.

Она кивнула на прощанье и закрыла дверь, а я пошел к выходу из подъезда, с улыбкой на лице переваривая ее причудливое обращение. «Молодой человек»... Не слишком ли лестный комплимент для человека, который тридцать лет спустя ищет школьного друга?

Я решил побродить по окрестностям еще. Вдруг в этом крошечном городе мне свезет встретить Андрея на улице? С Серегой же получилось... Однако чем дольше я ходил по району, такому знакомому и одновременно совершенно чужому, тем больше уверялся в том, что Ермаковы, подобно нашему семейству, переехали с Богом забытого острова куда-то в иное место. По крайней мере, мне хотелось верить, что Андрюха не позволил рутине съесть себя...

«В отличие от Сереги».

Вспомнив про Олифиренко, я тут же позвонил ему и спросил, все ли в силе на вечер? Он, отчего-то вздохнув, сказал, что да, в силе, и мы условились встретиться около семи в небольшом ресторанчике и за ужином с каплей ароматного коньяка обсудить дела минувших дней.

Убрав мобильник в карман, я тоскливым взглядом окинул окрестности. У меня имелось еще одно дело, которое я запланировал давным-давно, но не очень-то хотел выполнять. Точней, вроде бы и хотел, но как-то неосознанно до последнего оттягивал этот момент.

«Даже хорошо, что парни уехали в гостиницу», – думал я, подъезжая к кладбищу.

Стоять у могилы моего отца было безумно странно. Я не знал его толком – он покинул семью до того, как мне исполнилось три. И тем не менее он был моим отцом, тем, без кого меня бы не случилось. Со сводной сестрой, Таней – его дочерью от второго брака – мы с некоторых пор поддерживали связь, переписывались время от времени. От нее же я узнал, где его могила, и теперь, положив на плиту цветы, стоял и разглядывал серую гранитную поверхность с металлической табличкой.

Его фамилия, инициалы, две даты – жизни и смерти.

Он умер, когда мне только-только исполнилось шестнадцать. Тане было еще меньше.

Что я испытывал в те странные минуты, проведенные рядом с надгробьем? Сложно сказать. Внутри меня была какая-то глухая пустота. Этот человек не сделал для меня ровным

счетом ничего, кроме одного, пожалуй, самого важного – дал мне жизнь. За это я был ему благодарен. И только за это.

Покидая кладбище, я испытал несказанное облегчение. Пока от поездки на Сахалин было больше негатива, чем позитива. Единственное светлое пятно – встреча с Сергеем Олифиренко, и я очень надеялся, что вечер в компании друга детства поднимет мне настроение. Что мы погрустим немного об ушедшем, обсудим нынешнее, может, коснемся будущего...

К сожалению, тем вечером я понял, что Серега потерян для меня практически так же, как Андрей, только не физически, а эмоционально. Никаких общих тем, кроме погоды и природы у нас не осталось. Серега трудился на поприще мелкого бизнеса, жена его преподавала в школе, так что жили они небогато, но на хлеб с маслом вроде бы хватало. Рассказывать про свою работу Олифиренко не особенно хотел, а мои истории про сигары и мотоциклы после пары рюмок коньяка стали вызывать у него зевоту. К слову, даже алкоголь не помог с коммуникацией: я едва успел поведать ему про идею «Ралли Родина» и только-только заговорил о кругосветном путешествии на «Харлеях», когда Сереге позвонила супруга, и он резко засоби-рался домой.

– Давай я приду вас проводить? – предложил он, пожимая мою руку. – Во сколько вы отъезжаете?

– Утром. В девять, – сухо ответил я.

– А старт где?

– Я же сказал: площадь Ленина. Дед в шестьдесят седьмом оттуда же отправлялся.

– О, здорово, я как раз там неподалеку буду, – вымученно улыбнулся Олифиренко. – До завтра, Макс.

– До завтра.

Он выпустил мою руку и пошел к выходу. Я допил коньяк и позвал официантку, чтобы принесла счет.

– Ну, и как встреча? – спросил Лама, когда я, мрачнее тучи, вернулся в гостиницу.

– Никак, – ответил я со вздохом. – Совсем мы изменились – и я, и он. Сейчас уже и не поймешь, что нас только объединяло?..

– Ну, тогда что-то объединяло. Теперь – ничего. Бывает.

– Ну а как же твой пресловутый кармический след?

– А он-то тут при чем? – невозмутимо пожал плечами Боря. – Серега-мальчишка – вот часть твоего кармического следа. А этот Серега – взрослый, и стал таким без тебя, так что его ты встретил впервые. Поэтому и нет тут никакой привязки. Это все равно, как если бы твой дом снесли и вместо него построили торговый центр: воспоминания вроде бы есть, но места, с которым они связаны, уже не существует. Понимаешь?

– Понимаю, – буркнул я. – Короче говоря, прошлое лучше не ворошить. Не встречаться со школьными друзьями...

– И бывшими девушками, – вставил Лама. – А еще хуже – с бывшими женами... Вот уж у кого-кого, а у них та-а-акой кармический след остается всегда...

Несмотря на странное настроение, я рассмеялся и с благодарностью посмотрел на Борю. Пожалуй, действительно не стоит горевать о том, что мы утратили связь с друзьями детства – куда важнее, что в настоящем у нас есть друзья, способные словом и делом поддержать в трудную минуту.

* * *

1890

– Вы же только если писать про наш остров какие-то рассказы или книги будете, про меня не упоминайте, пожалуйста, – попросил Ракитин.

Они шли от повозки к зданию тюрьмы, куда Чехов попросил его отвезти.

Выслушав просьбу своего провожатого, литератор покосился в его сторону и полюбопытствовал:

– А почему, позвольте спросить? Думаете, покажу в плохом свете? Или мои произведения вам чем-то не нравятся?

– Да нет, произведения ваши я, конечно, люблю, – торопливо пояснил Ракитин. – Но они просто все такие...

– Иронично-саркастические? – пришел на помощь Чехов.

– Ну что-то такое, да, – подумав, согласился офицер. – Не хочется стать одним из ваших... персонажей, ну, который будет... такой же.

Возле входа в кандальную дежурили двое солдат. Завидев Чехова, один расплылся в улыбке, толкнул другого и что-то быстро сказал. Тот, одарив литератора и его спутника хмурым взглядом, полез в карман и передал товарищу некую мелочь, которую улыбчивый сразу же спрятал за пазуху.

«Деньги?» – озадачился Чехов.

Будто прочтя его мысли, первый солдат весело воскликнул:

– Здравствуйте, Антон Павлович! А мы с товарищем поспорили как раз на папиросу, Чехов ли это приехал или нет.

– Вы, судя по улыбке, выиграли? – спросил литератор.

– Ага! – охотно подтвердил довольный солдат.

– Что ж, тогда поздравляю, – сказал Чехов, кивая победителю.

– Спасибо! – сияя, поблагодарил тот. – Кабы не вы...

– Хорош уже, – строго произнес Ракитин, не дав солдату договорить. – Вы тут кандальную охраняете или в игры играете? Может, будете спорить, какой заключенный сбежит раньше прочих?

Пристыженные, солдаты потупились.

– Как дети малые, ей-богу... – проворчал Ракитин, качая головой.

Он достал из сумки сложенный вдвое лист и протянул его улыбчивому солдату, который теперь был едва ли не мрачней своего угрюмого товарища:

– Удостоверение смотреть будете?

– Так мы же вроде знаем, кто... – Улыбчивый показал на Антона Павловича, но под осуждающим взглядом Ракитина снова поник и умолк, не закончив фразу.

– Проверять надо всех, – процедил офицер. – А иначе можно вообще без вас обойтись.

Продолжая что-то ворчать себе под нос, он все-таки вручил весельчаку-солдату удостоверение литератора, выписанное Корфом. Оба надзирателя, сомкнувшись плечами, стали читать бумагу. Потом хмурый сказал:

– А позвольте вопрос, ваше благородие?

– Позволяю, спрашивай, – кивнул Ракитин.

– А Сонька Золотая Ручка, она же Софья Блювштейн – она может считаться политической?

– С чего бы вдруг? – удивился офицер. – Обычная воровка... ну, точней, не обычная, конечно, но именно воровка... В общем, давай сюда удостоверение и веди нас внутрь, Соньку показывай.

С раздражением вырвав бумагу из рук солдата, Ракитин без приглашения вошел в казарму.

– Пройдемте, Антон Павлович, – с опаской посмотрев офицеру вслед, сказал угрюмый. – Посмотрите на госпожу Блювштейн, на других заключенных...

Чехов кивнул. Он немало слышал про Софью, еще находясь в столице: тогда любой, кто знал про эту находчивую и хитрющую барышню, считал должным сообразить каламбур на ее счет. Как только не звали госпожу Блювштейн – от «особы опасной» до «кандально известной». Сам Чехов от шуток насчет Соньки воздерживался, но с каждым ее упоминанием все более укреплялся в мысли, что просто обязан встретиться с легендарной преступницей. Именно поэтому, едва забрав у барона Корфа удостоверение, Антон Павлович сказал Ракитину, что хочет ехать к госпоже Блювштейн. Молодой офицер попросил день, чтобы обо всем договориться, и следующим утром уже повез литератора в Александровскую тюрьму.

Стоило шагнуть через порог, и в нос ударил резкий отвратный запах. Почуввав его, Чехов скривился. Он, конечно, морально готовился к худшему, но зловоние превзошло самые смелые его ожидания.

– Мы к Соньке прямиком или сперва на других посмотрите? – не обращая внимание на выражение лица Антона Павловича, спросил угрюмый надзиратель.

– Давайте все по порядку, – закрывая рот и нос рукавом в надежде хоть как-то защититься от царящих в тюрьме ароматов, сказал литератор.

– Попахивает? – с пониманием осведомился угрюмый.

– Не то слово, – буркнул Чехов.

– Это вы еще летом приехали, – ухмыльнулся весельчак. – Тут хоть какой-то воздух свежий. Зимой мы на все замки заперты, дышать нечем, ей-богу...

– И вот они все время в этом всем находятся? И зимой, и летом?

– Ну а то как же? – пожал плечами весельчак. – Куда ж их отсюда девать? Это ж кандаляная, а не обычный корпус.

«Бедные люди», – подумал Чехов, оглядываясь по сторонам.

Пока что они находились в своеобразном «предбаннике» – там, где вновь прибывших беглецов строго досматривали надзиратели. Антон Павлович отыскал взглядом Ракитина; офицер стоял за прикрытой решетчатой дверью и о чем-то говорил с еще одним солдатом, который с интересом рассматривал удостоверение Чехова.

– Говорят, Ландсберг обещал какую-то проветриваемую тюрьму сделать, – вдруг сказал угрюмый. – Как в Европах...

– Ландсберг-то хочет, – фыркнул весельчак, – только Кононович что-то не торопится ему разрешать.

– А Ландсберг у вас тут, почитай, главный инженер острова? – спросил Чехов.

– Карл Христофорович-то? Ну дык... да. Все строительство, считай, на нем, с тех пор, как Владимир Осипович островом начальствует... они и прибыли-то, кажется, в одно время примерно...

– Да не мели, – поморщился весельчак. – Раньше Осипович приехал, Ландсберг уже потом...

– Да нет же!

– Спорим?

– Спорим.

Они ударили по рукам и застыли, сжимая ладони друг друга.

– Антон Павлович, – поколебавшись, позвал угрюмый. – Не сочтите за наглость, но не могли бы вы...

Чехов кивнул и разбил, но скорей машинально, чем осознанно: все его мысли вновь были заняты Ландсбергом.

«А ежели б он не совершил то ужасное двойное убийство, кто б на острове казармы строил? – думал литератор. – Разве не должен подобные работы организовывать человек не судимый?»

– Пойдемте, Антон Павлович, – позвал Ракитин. – Начнем с общих камер, потом и до кандалной дойдем...

– Добро, – кивнул литератор.

Ракитин открыл перед ним дверь, и Чехов прошел в узкий коридор, ведущий, к дверному проему, за которым, похоже, уже находились камеры. Спорщики остались в предбаннике; оглянувшись, литератор увидел, что они, продолжая говорить, медленно бредут к выходу из кандалной – наверное, возвращались на прежний пост, снаружи.

– Антон Павлович, – снова окликнул Ракитин.

– Иду-иду, – пробормотал Чехов.

Узкий коридор закончился, начался широкий, по обеим сторонам от которого находились стальные двери с небольшими смотровыми оконцами. Через них надзиратели могли спокойно наблюдать за тем, что происходит в камерах.

– Что тут, Жмыхов? – обратился Ракитин к местному тюремщику, русоволосому бугаю с широченными плечами.

– В этих камерах у нас самые неумные, – пробубнил солдат. – Заскучали и решили бежать. Не знаю, на что надеялись. Может, хотели укокошить капитана одного из пароходов? Потому что вплавь отсюда до материка никак, сами понимаете...

Он говорил буднично и спокойно – как, впрочем, и большинство его собратьев по оружию, проводивших довольно много времени на острове каторги. Тот же Ракитин в их первую встречу практически бесстрастно рассуждал о неподдельно ужасных вещах.

«Возможно, виной всему моя фантазия, чересчур богатая, – подумал Антон Павлович. – Он говорит – «возможно, хотели убить», а я себе представляю, что уже убили, что это – факт свершенный, и представляю, конечно же, в деталях...»

Мотнув головой, дабы отогнать жуткие, кровавые образы, Чехов снова устоял на своих проволочках.

– Давайте зайдём в какую-нибудь? – предложил Ракитин. – Это же безопасно?

– Ну а то, – ухмыльнулся Жмыхов. – В кандалах-то уже не набегаешься...

Он достал ключи и открыл замок – допотопный, громадный, словно подчеркивающий тщету любых грез заключенных о свободе. С протяжным скрипом дверных петель открылась дверь, и Чехов вместе с Ракитиным и надзирателем вошли внутрь.

Камера оказалась небольшая, но людей в ней жило два десятка, не меньше. При виде этих оборванных, грязных, одетых в лохмотья людей у Антона Павловича все внутри обмерло и покрылось ледяной коркой. Ему доводилось уже видеть кандалных в городе, когда их проводили мимо дома, в котором Чехов поселился, и каждый раз литератор вздрагивал, глядя на понурого арестанта. Но наблюдать, в каких условиях живут эти отчаявшиеся люди, оказалось еще невыносимей. Антон Павлович смотрел на голые нары, лишённые одеял, на отхожее место у дальней стены, и представлял, как его тоже заковывают в кандалы и отправляют сюда.

От мыслей таких стало дурно.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спросил Ракитин.

Он коснулся руки Чехова.

– Кажется, очень бледны...

– Да нет, уверен, это всего лишь из-за недостатка света, – слабым голосом сказал литератор.

– Ну, как знаете... – пробормотал Ракитин, убирая руку.

Все кандалные, несмотря на цепи, сковывающие их конечности, стояли с непокрытыми головами, сжимая мятые шапки грязными пальцами.

«И надо бы осмотреться тут хорошенько, и в то же время тянет сбежать отсюда немедленно. Еще сильнее, чем раньше...»

– Ваше благородие... – рассмотрев в полумраке погоны Ракитина, промычал один из заключенных, бородатый и морщинистый. – Пустите отсюда в обычную... я больше бегать не буду... Богом клянусь, не буду...

– Хватит! – рявкнул Жмыхов, и Чехов внутренне содрогнулся, будто орали на него. – Сколько ты раз подобное заливал? Два? Три?

– Не могу я тут... – прохрипел бородач. – Помираю...

– Хлеба мало дают, ваше благородие... – подал голос другой арестант, помоложе, но худой до ужаса, словно тросточка. – Сил нет совсем...

– Кандалы бы снять... хоть на чуток... – вставил сидящий на нарах глухой старик.

Кажется, у этого энергии не осталось вовсе – Чехов не удивился бы, если б через мгновение-другое он замертво рухнул на пол.

Ракитин и Жмыхов переглянулись и обернулись к литератору.

– Не обращайтесь внимания, Антон Павлович, – буркнул надзиратель. – Они так всегда... кланчат. Всегда им хлеба мало и свободы... а я вас что, заставлял бежать?

Последние слова он буквально выкрикнул, и заключенные тут же втянули головы в плечи и попрытали глазами, точно боялись...

«Чего? Что он будет их бить, возможно?» – подумал Чехов, окинув Жмыхова пристальным взглядом.

Надзиратель действительно производил впечатление человека, способного доказывать свою правоту не только словом, но и пудовым кулаком. Однако это, разумеется, не значило, что Жмыхов распускает руки, едва кто-то из заключенных раскроет рот.

«Просто крепкий парень, с которым не любят спорить...»

Заключенные смотрели то на Чехова, то на Ракитина, видя в них едва ли не спасителей, хотя литератор плохо понимал, чем он может помочь обитателям убогой камеры. В здешних условиях от его единственного оружия – острого слова – по сути, не было никакого толку.

«Да и не знаю я ведь, за что они тут сидят... Может, этот вот, который просится в обычную камеру, на воле убил кого-то? А этот, которому хлеба мало, снасильничал? Но все равно кажется, что никто не заслуживает такой участи. Лучше сразу казнить, чем в таких условиях содержать...»

– Ладно, пойдемте уже Соньку Золотую Ручку посмотрим, – тихо сказал Ракитин.

Он выглядел подавленным – видимо, находиться рядом с кандалными ему тоже было нелегко.

– Пойдемте, – в тон ему сказал Чехов.

Окинув камеру последним тоскливым взглядом, литератор вышел в коридор вместе с Ракитиным. Жмыхов напоследок громким шепотом выговорил болтливому заключенному и последовал за спутниками. Кандалные рефлекторно потянулись к выходу, но дверь закрылась прежде, чем ближайший из горемык успел достичь порога. Лязг гигантского замка и удаляющиеся шаги стали последним звуком, донесшимся до ушей арестантов.

– Вы не думайте только, Антон Павлович, – сказал Жмыхов, когда они проходили мимо двери в следующую камеру. – Сюда за просто так не сажают. Собраны тут люди исключительно ужасные и крайне опасные.

Чехов тут же вспомнил немощного деда, который просил снять ему кандалы, но спорить с надзирателем не стал.

– Тут есть камеры и почище, и людей в них, кстати, поменьше. – Жмыхов махнул в сторону очередной двери. – Вот тут, к примеру, трое всего! А Сонька вон, вообще одна сидит...

– Как музейный экспонат она у вас? – с невеселой усмешкой спросил Чехов.

– Ну, наверное, – пожал плечами надзиратель. – Женщина известная. Хитрющая, зараза, как лиса. И так свободу любит... Ох, и чего только не выдумывала она! Наверное, и сейчас

продолжает сочинять планы побега, только вот бежать уже сложнее гораздо, чем раньше. Пока сюда не попала, такое вытворяла – и это прямо в каторге, представляете?..

Чехову стало казаться, что своей обильной болтовней Жмыхов волей или неволей пытается отвлечь его от неприятных воспоминаний, связанных с общей камерой и ее несчастными обитателями. Впрочем, Антон Павлович противиться не собирался – очень уж хотелось ему забыть все увиденное, хотя бы на время, хотя бы до того момента, как в руках окажется любимое перо, а на столе – чистый лист путевого дневника.

– Ну вот, пришли, – возвестил Жмыхов.

Дверь в камеру Софьи Блювштейн на первый взгляд ничем особо не отличалась от других, встреченных по пути. Но стоило присмотреться, и стала заметна одна крохотная деталь: заслонка смотрового окошка свободно болталась на расшатанных полозьях, рискуя попросту отвалиться при малейшем дуновении ветерка.

– Заметили? – спросил Жмыхов.

Он двумя пальцами взялся за заслонку и покачал ею из стороны в сторону.

– Ее работа, – пояснил Ракитин.

– Расшатала за несколько ночей, мерзавка, – проворчал Жмыхов. – Один недалекий добряк – зеленый совсем, только прибыл к нам тогда – наслушался жалоб, что душно ей, дышать нечем... ну, и оставил открытой, а она потом в благодарность через окошко это ему в морду ка-а-ак впечется... Еле оттащили. И ведь в кандалах, тяжелых, чертовка, а вот поди ж ты... Шутили над ним, что, де, теперь с бешенством сляжет... но, конечно, обошлось. У Соньки дурь хоть и заразная, но через когти она точно не передается...

Уточнение его было не случайным: литератор неплохо знал историю госпожи Блювштейн. Ее умению заразить идеей самых прожженных негодяев позавидовал бы иной дворянин, который учился разным подобным наукам – в том числе риторике – у признанных заморских мастеров. Причем в случае с Сонькой казалось, что действует она не по знанию, а по наитию, что было обидно вдвойне.

«Скольких совратила она, скольких убила ради собственного обогащения... а после уйму раз пыталась сбежать... Нет, этой точно место в кандалной!..»

– Ну что ж, заходить не предлагаю – во избежание, – закончил Жмыхов. – Смотрите через окошко, только близко не подходите, а то мало ли...

– Уж постараюсь, памятуя о вашем рассказе, – хмыкнул Чехов, однако не слишком уверенно.

Жмыхов вытащил крючок из петли, после отодвинул заслонку и встал рядом с дверью, у стены, а литератор, собравшись с духом, шагнул вперед. Он не боялся, а испытывал легкое волнение – вполне объяснимое, учитывая, насколько легендарная личность прямо сейчас находилась в камере.

Однако зрелище, которое открылось Антону Павловичу, удивило его и даже немного разочаровало. Посреди камеры стояла сгорбленная годами старушка, морщинистая и худющая; браслеты на ее руках едва заметно сверкали в тусклом свете, проникающем в камеру через крохотное зарешеченное окошко под самым потолком. Позади госпожи Блювштейн на одиноких нарах лежала потрепанная шубейка из серой овчины. На ней арестантка, видимо, и спала, в нее же куталась, когда становилось совсем холодно.

«То есть, по-видимому, большую часть года».

Чехов снова перевел взгляд на Соньку. Более всего она напомнила литератору старую мышь-полевку – все еще довольно юркую, но в целом уставшую и смирившуюся; преступница постоянно вертела головой из стороны в сторону, то ли нюхая воздух, то ли подслеповато оглядываясь по сторонам. Может, из-за проблем со зрением и выражение лица у госпожи Блювштейн было соответствующее – щуря маленькие глазки, она уставилась на открывшееся окошко.

– Кто там? – спросила вроде бы слабо, но Чехову почудился в ее вопросе вызов. Наверное, этот тон был отголосками прежнего голоса Соньки, своеобразным эхом из прошлого, которое в день нынешний докатилось в куда более скромном и тихом виде.

Надзиратели молчали, и литератор тоже не стал ничего говорить – лишь продолжил смотреть на госпожу Блювштейн, внутренне дивясь ее странной метаморфозе.

«Трудно поверить, что она совсем недавно была еще достаточно хороша, чтобы в нее влюбился смоленский надзиратель, – подумал литератор. – И не просто влюбился, но еще и сбежать ей помог, и сам с ней скрылся... Нет, все-таки Сахалин определенно умеет ломать людей, менять их до неузнаваемости – настолько, что они перестают напоминать самих себя».

– Что это с ней стало? – не удержавшись, спросил Чехов, когда они, снова отгородив госпожу Блювштейн от внешнего мира допотопной заслонкой, пустились в обратный путь.

– В каком таком смысле? – осторожно уточнил Жмыхов.

При этом он с некоторой растерянностью покосился на Ракитина, словно ища поддержки.

– Ну, она ведь была красива, как говорят, – произнес литератор. – А теперь высохла и осунулась...

– Красива она была в Одессе. Ну, в Смоленске, поговаривают, тоже была еще ничего, – ответил Жмыхов. – По крайней мере, нашелся же дуралей... Ладно, об том и так все знают, вопрос ваш, как я понял, в другом...

Он ненадолго задумался, а потом сказал:

– Трудно мне сейчас вспомнить, какая она была, какой ее к нам привезли из Сибири. Наверное, была б красивая, запомнил бы. Значит, возможно, уже привезли... вот такой, как сейчас. С другой стороны, по первости она жила не в тюрьме, а на квартире, и оттуда однажды пыталась сбежать, переодевшись в одежду солдата. А еще до этого, кстати, подозревали ее в двух преступлениях – убийстве местного лавочника, Никитина, и краже крупной денежной суммы у поселенца Юровского, еврея из Одессы, переехавшего сюда три года назад.

– Пятьдесят шесть тысяч, Антон Павлович, – вставил Ракитин. – Представляете?

Чехов тихо присвистнул. Удивляла одновременно и сама сумма, и то, что она вообще водилась у кого-то из местных жителей.

«Хотя Юровский, как сказал Жмыхов, еврей, а у них деньги обычно водятся порядочные...»

– Пойдемте кухню смотреть? – спросил Ракитин.

– Пойдемте, – кивнул Чехов.

Они пошли вдоль казармы, в которой содержались обычные заключенные. Двери и окна ее были распахнуты настежь; арестанты бродили свободно и ничем особым не занимались – видно, образовалась передышка в работе.

– Я отойду ненадолго, а вы пока без меня, ладно? – сказал Жмыхов и, дождавшись кивка Ракитина, устремился между двух казарм в неизвестном направлении.

– Ну и как вам? – спросил провожатый Чехова, когда надзиратель скрылся из виду. – Увидели, что хотели?

– Сложно сказать, – ответил Антон Павлович, – хотел ли я в самом деле это видеть или нет... но, в любом случае, спасибо, что свозили.

– Было бы за что... – буркнул Ракитин.

Дальше они шли молча. Чехов размышлял о судьбах здешних людей, думал, каково это – жить в подобных камерах, грязных и темных, не имея возможности уединиться даже для молитвы, постоянно испытывая неудобства и лишения. Антон Павлович вполне представлял, что происходит в казармах с наступлением темноты: кто-то наверняка спорит, кто-то – дерется, добываясь правды или просто изливая агрессию, накопленную за время, проведенное взаперти. Злее всего наверняка кандальные: их бессилие сравнимо только с парализованным больным.

«И притом барон Корф утверждает, что здесь заключенные живут лучше, чем где бы то ни было... а потом еще и рассказывает об этом на материке, и все ему верят!...»

– Не пойду! – вскричал кто-то за углом.

– Стой, гад! – рявкнул другой голос. – В кандальную запру!

Из-за угла выскочил грязный и худющий мужичок в порванной рубахе и брюках, подпоясанных веревкой. В руке у незнакомца была солдатская фуражка. Завидев Чехова и Ракитина, беглец замер, растерянный, и его преследователь, молодой еще надзиратель, воспользовался этим и сбил арестанта с ног.

Фуражка выпала из рук мужичка и, прокатившись по земле, упала к ногам литератора.

– Попался, зараза... – припечатав грязного мужичка к земле, прошипел тюремщик.

Тут он заметил, что кто-то стоит справа от него, резко повернул голову и уставился на Чехова и его провожатого.

– Что тут происходит? – хмурясь, спросил Ракитин.

– Фуражку мою хотел спереть, – обиженно пробубнил тюремщик.

– Да какой спереть... – просипел мужичок. – Она ж просто... на крыльце валялась...

– Молчать! – шикнул на него солдат.

– И ты за фуражку его в кандальную сунуть хотел? – раздраженно спросил Ракитин.

При этом он косился в сторону Чехова – надеясь, видимо, что литератор внезапно утратил слух.

Но Антон Павлович, конечно же, все слышал.

– Ну, а воровать у солдата это разве... – пробормотал надзиратель и, не договорив, стих.

– Забирай свою фуражку и возвращайся в казарму, а мужика этого оставь, – сквозь зубы процедил Ракитин.

Надзиратель обиженно шмыгнул носом, однако спорить с офицером не стал: встав с земли, подошел к оброненному головному убору, поднял его и ушел обратно за угол. Чехов заметил, что вороватый мужичок медленно и осторожно начал отползать прочь – боясь, видно, что Ракитин сейчас и его прижучит. Впрочем, маневр арестанта от офицера не укрылся.

– А ну, иди давай! – притопнув ногой, рявкнул он.

Мужичок прямо из положения лежа метнулся прочь, на ходу бросив:

– Простите, ваше благородие! Больше не повторится!

– Не повторится, как же... – тихо проворчал Ракитин.

– Неужто он и вправду готов был его в кандалы заковать? – спросил Чехов, когда оба – и солдат, и арестант – скрылись из виду.

– Да нет, конечно, – поморщился Ракитин. – Уверяю вас, здесь это – всего лишь фигура речи. Просто припугивают распоясавшихся арестантов...

Он говорил что-то еще, но Чехов быстро бросил слушать – офицер, как мог, защищал своих, и Антон Павлович не осуждал его за это: в конце концов, каждый должен принимать чью-то сторону. В то же время литератор понимал, что в кандальную далеко не всегда сажают тех, кто серьезно провинился – вполне возможно, что кто-то из обитателей общей камеры попал туда за сущую мелочь.

За ту же поднятую с крыльца фуражку рассеянного солдата.

И от мысли этой на душе у Чехова стало препогано.

* * *

1967

«Из порта радости в порт грусти» – вывел Владимир Андреевич на странице своего дневника и исподлобья посмотрел на полы палатки: они висели неподвижно – в окрестностях

Хабаровска, где туристы встали лагерем, ветра практически не было. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, Привезенцев вновь склонился над дневником.

Переправа с острова на материк оставила в его душе противоречивые чувства, которыми он мог поделиться только с листом бумаги. Альберт выслушал бы режиссера, без вопросов, но Владимир Андреевич мудро решил оградить старого друга от лишнего негатива.

«Он и сам, уверен, все видит, просто старается внимания не обращать, – подумал Привезенцев, выводя на тетрадном листе очередное слово. – А, значит, и мне не стоит жаловаться. Мелко это и несолидно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.